

ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»

Дипломная работа

Такие Люди

Сборник рассказов

Студентки 6 курса заочного факультета

Александровой Марии Анатольевны,

Руководитель творческого семинара

проф. И.Л. Волгин

Москва

2021 г.

Марго

Зимними вечерами надо было ходить к Марго. Ни летними, ни весенними, ни осенними, именно зимними. Чтобы ты вышел, темно – ни зги. Метель мелкими иголками сыпет в лицо, березы обледенелыми ветками противно шумят, какая-то старая ворона надрывается, какая-то несчастная собака воет, и ты прёшься. И когда наконец доходишь до её подъезда, духота и вонь кошачьей мочи кажутся наградой. Вскарабкиваешься на пятый этаж, с шапки капает на нос, тычешь по двадцать минут в звонок, проклинаешь всё на свете и через сто лет замок щёлкает и дверь открывается.

Из-за штор из мелких бусин выглядывает Марго, ей, наверное, лет восемьдесят, она толстая и беззубая. На ней шелковое розовое платье с рюшами, а поверх домашний халат, кудрявые редкие волосы, пепельно-розовые губы, серые глаза, накрашенные черным ресницы и вокруг ресниц, серьги из бисера типа кораллы и такое же ожерелье.

– Заходи, мой милый друг, – говорит она, отодвигая штору.

Ты заходишь в её квартиру, пропахнувшую сигаретами и духами «Красная Москва». Где она их только берет? На дворе двухтысячный год. Тебе об ноги начинают тереться три старые кошки, оставляя на штанах шерстяной покров, ты их аккуратно отодвигаешь, но им всё равно.

Из соседней комнаты надрывается попугай Иннокентий, опять от злости выщипал себе все перья с шеи и похож на облезлую курицу, зато рад, что к нему пришли.

Квартирка крохотная – однушка, и вся в каких-то тряпках. На полу ковры, вместо дверей шторы, на диване три покрывала, на креслах тоже покрывала, на стенах гобелены и батик с рыбами и уродливым кальмаром, на телевизоре кружевная тряпочка, на окнах шторы с бабочками, на потолке тряпочный абажур. Всё это приправлено кошачьей шерстью. И везде где-то что-то приклеено, прикреплено, приколото иголкой. На стенах — вырезанные из журналов иллюстрации вперемешку с личными фотографиями,

на журнальном столике — вазочка со свернутыми в квадратики фантиками конфет. Рядом коробка от печенья, заполненная бусинами и пуговицами, и повсюду вазы с засушенными цветами, такими же древними, как сама Марго. Конечно же, хрустальная пепельница полна бычков сигарет «More», а вокруг неё пустые красные пачки. На трюмо повешено пепельно-розовое боа, в котором Марго тоже иногда тебя встречает, разбросаны флакончики и тюбики какой-то давно просроченной косметики, тут же блистеры таблеток и дешевая бижутерия.

– Винца? – подмигивая, спрашивает Марго.

Откуда только оно у нее берется? Она же не выходит никуда. Холодильник пустой, чая нет, кофе нет, все крупы подъедены молью, воды даже питьевой нет, а вино, вино всегда есть – Шардене.

– Ну если ты не против, я тогда себе налью, – говорит Марго, хромя на кухню.

У нее когда-то случился перелом шейки бедра, уже непонятно сколько лет назад, так и засела она в своем царстве безделушек, кошек и пыли. Летом-то она выползает на улицу, у нее и тележка имеется, чтобы ходить на ближайшей рынок за очередными «сокровищами», а вот зимой — никогда, боится. «Нет-нет, я поскользнусь! Вы меня уже не соберете, – её любимая фраза. — Вот раньше, я дома-то вообще не бывала, всё танцы, театры, кино, рестораны. От кавалеров отбоя не было». Где ж её эти кавалеры интересно сейчас, один Иннокентий, видимо, остался.

– Милая, я тебе списочек написала, сбегай-сбегай! – вернувшись с кухни, протягивает бумажку Марго.

А списочек у нее всегда один и тот же. Зачем она его каждый раз переписывает? Чтобы время, наверное, как-то занять. На тетрадной бумажке дрожащим подчерком выведено: кошачий корм, Иннокентию корм, — тут надо бы дописать «мне корм», но нет, блок сигарет «More» красных, курица, рис – 1 кг, лук – 1 шт., морковь – 1 шт., песочное печенье, вафли лимонные,

конфеты «Красная шапочка» 500 грамм, «майский» чай, мыло хозяйственное, мыло с сиренью.

– Ты только на рынок иди, там дешевле, – протягивая деньги, говорит Марго.

Ну конечно, на рынок, чтобы в каждой очереди по двадцать минут стоять мерзнуть, в одном-то магазине всё сразу купить нельзя. И прешься на проклятый рынок и тратишь там полтора часа на списочек, а потом обратно в душный подъезд, на пятый этаж в квартиру. Марго к тому времени уже опустошит два бокальчика, заведет проигрыватель и плюхнется на диванчик.

– Милая? Ты уже вернулась? Ох, какая молодец! – мурлычет Марго. – Отнеси пакеты на кухню и Кеше насыпь корма, пока он до безумия не дошел.

На кухне гора немытой посуды и разбросанный кошками корм на полу. Кладешь продукты в холодильник, разделяешь курицу, ставишь вариться бульон. Пока он варится, моешь посуду и подметаешь пол. Марго, учуяв запах бульона, прихрамывает на кухню и садится на табуретку.

– Ох, да я б сама сварила! – говорит она, закуривая сигарету. – Вот раньше-то я никогда не готовила, всё рестораны, кафе, на кухне только и было что вино да кофе, да коробки конфет – французских, английских, швейцарских. Ох, умора! Один мне тульский пряник принес! Килограмма три в форме чайника! Удивить хотел! – смеется Марго. Удивил, конечно, я-то его детям во дворе отдала. Ну видишь, до сих пор помню пряник этот. Помню.

У нее и сейчас коробки от этих конфет лежат на кухонном гарнитуре до потолка, в каких-то даже конфеты есть – белые. Ни за что не даёт выкинуть. «Куда-куда ты их! Это ж память! Вон та с ленточкой, это мне посол подарил. Та вон с картиной Рембрандта, это скрипач из Большого театра принес».

– Иди Кешу покорми, слышишь, разорался! – выдыхая дым, говорит Марго.

Идешь кормить попугая. У него полукруглая клетка, жердочка, на которой он катается, и зеркальце — тоже любит собой любоваться, как хозяйка. Сам он зеленый с оранжево-красным клювом и синим хвостом,

старый, почти слепой. Электус вроде порода. Он даже пару фраз умеет говорить: «милый друг», «открываю-открываю», «оставь на тумбочке», «Иннокентий молчи», «целуй». Умеет смеяться и охать голосом Марго.

Подходишь к нему, а он: «О-ох, О-ох. Целуй!» Открываешь клетку, он вальяжно с жердочки пересаживается к тебе на палец, и чешешь его общипанную шею. Насыпав ему корма и посадив обратно, возвращаешься на кухню.

– Вот спасибо! Милый друг, — сообщает Марго. – А ты знаешь Кеша-то откуда? – спрашивает она. Как же не знать, когда она каждый раз рассказывает. – Кешу мне один командировочный принес. Он к нам сюда раз пять-шесть в год приезжал, а я так грустила каждый раз, когда приходило время его отъезда. Всё плакала-плакала, просила остаться. А он всё — нет, жена. Вот он Кешу как-то перед отъездом и принес. Говорит, чтоб напоминал о нём, такой же разговорчивый. Ну куда мне попугая-то? А он клетку поставил, да и уехал. Ну не выкину ж я его! А он еще такой маленький был, совсем птенец. А тот-то помер давно, а Кеша ничего, живой, орёт.

Вылавливаешь курицу, делаешь зажарку из моркови и лука, чистишь две картошины, кидаешь в бульон. Марго всё в окно смотрит, будто не ей это варят, она выше этого, там, где-то с кем-то в ресторане.

– Помню, один меня всё в «Дом актёра» водил. И всё у него одно — водки и борща. Меня не спрашивал! Нет, чтобы шампанского с десертом заказать. Так он тоже — водки и борща. А что ж? Ну не откажешься. Ела. Пила. А он всё – раз стопку, раз. Потом напьемся с ним, выйдем на Арбат. А там людно, музыканты играют, художники сидят. А он встанет к стене и давай монолог Гамлета театрально читать. Да так громко! Люди вокруг него собираются. А мне стыдно. Я ему всё: «пошли-пошли». А он пока до конца не дочитывал, никогда не уходил.

Отделяешь курицу от костей, закидываешь в кастрюлю. Солишь, перчишь, через пять минут выключаешь. Теперь Марго есть, чем неделю обедать. Приступаешь к готовке ужина.

– Да сядь ты покури! Запыхалась вон вся! – стучит тебя по спине Марго. Да и вправду, пора бы перекурить.

– А то был у меня один – не умолкает Марго. – Всё бегал, да бегал. Звонит в три ночи: «Сейчас забегу». Ну не отказывать же. Залетает весь взмыленный, глаза бешеные. Ставит бутылку на стол. «Давай в карты играть», – говорит. Достает колоду и раскладывает. Так до утра в карты и проиграли. Бывает, сажу кофе пью, как в дверь барабанить начинают. А там он: «Я на десять минут». Ну, пускаешь, конечно. Так он в итоге добегался! Посадили его, уж не знаю за что, теперь не бегают.

Докуриваешь. Встаешь жарить курицу да рис варить. Потом надо бы еще пропылесосить. Марго тем временем хромает за остатками вина в комнату. Потом возвращается и наливает бокал.

– Нет, пить, конечно, надо уметь, – умозаключает Марго, делая глоток. Понимаешь, что сейчас будет история про пианиста.

– Был у меня один пианист, всё в ресторанах играл. Так в ресторанах ему не нравилось, он-то думал, что он Паганини, – смеется Марго. Хотел на сцене. Ну кто ж ему даст на сцене играть. Так он выпьет и давай пальцами по столу стучать. Воображает, что концерт у него. Потом еще выпьет и под свой стук петь начинает. А потом как расплачется и до утра уж не успокоится. Ну, жалела его, конечно, как не жалеть.

Историй у Марго было бесчисленное множество и все про мужчин. Их если слушать все, можно никогда от нее и не уйти. Да и не понятно — были ли они, то ли врет она, то ли правда. Но на стеночке-то фотографии висят. И пианист этот висит, и актер, и другие какие-то мужики, и надписи на них: «Марго на долгую память», «любимой Марго». Ну и цветы эти засушенные, не сама же себе она их покупала.

Заканчиваешь с ужином. Идешь пылесосить. Кошки носятся, прячутся. Несчастный Иннокентий весь дрожит качается. А ты то и дело из трубки пылесоса достаешь отвалившиеся со стен снимки мужиков, да открытки с любовными письмами. «Марго, милая, не скучай через неделю буду» —

начиркано. Собираешь фантики конфет и аккуратно кладешь их на стол, Марго потом их складывает в вазочку. «Не вздумай выкидывать! Я так нервы лечу». Заканчиваешь с уборкой. К этому времени она обычно задремывает на диванчике. Кричишь ей – «до свидания!», обычно она от этого не просыпается, и уходишь домой. Через неделю повторяешь свой визит и так до мая. Она может, конечно, и раньше позвонить, если у кого-то еда кончится, но обычно терпит, даже если в квартире шаром покати.

Марго мне досталась в наследство от соседки. До меня она к ней ходила, но как-то приболела и попросила меня её навестить, а потом уже сама не могла ходить. Вот и хожу я к ней уже сто лет. Жалко мне её. Совсем одна, да еще столько живности.

Вот однажды, поднявшись на пятый этаж звоню ей в дверь – тишина. Звоню, звоню. Ну не слышит как обычно. И так страшно стало – умерла. Я давай стучать в соседние двери. Никто не открывает. Слышу, как несчастный Кеша орёт. Стучу. Стучу. Тут соседская дверь открывается. Из нее выглядывает засушенная старушка.

– Вы что, к этой? —недоверчиво спрашивает она.

– К Марго, – отвечаю.

– К Ма-арго. Проститутка она старая! – протягивает старушка.

– Так вы ответьте. Она...? – боюсь сказать умерла.

– Да как же, забрал её этот её. Ну, с бутылками.

– Бабушка, с какими бутылками? – удивляюсь я.

– Ну дед этот мерзкий, все таскался к ней с ящиком вина.

– Бабушка, какой дед?

Тут из той же двери показывается женщина лет сорока пяти.

— Мам, иди, – запихивает она старушку в квартиру. — Иди-иди, я сама.

– Вы Света? – спрашивает меня женщина.

– Ну, Света.

– Вот она вам оставила, – протягивает мне конверт.

– Угу, спасибо.

– Уехала она, не волнуйтесь, – сообщает женщина, закрывая дверь. Открываю конверт. В нем лежит письмо и ключ от квартиры. Во даёт. Открываю квартиру. Кошек нет. Пахнет сигаретами и «красной Москвой». Ну, хоть это по-старому. Прохожу на кухню, сажусь на табурет и открываю письмо.

«Светочка! Милая, не переживай! Я уехала с Сереженькой к нему в Сочи жить. Кошек забрали его внуки. Не переживай. Квартиру оставляю пока тебе. Звони мне по номеру. Забери попугая себе. С любовью, Марго».

Конфеты

В окне девятиэтажки каждый вечер можно было увидеть мужчину лет шестидесяти. У него, конечно, висела какая-то шторка на окне, но видимо для красоты, ведь не скрывала она его и не прятала от глаз людей из соседнего дома.

Мужчина был весь какой-то скрюченный-сгорбленный, лысый, с крупным носярой картошкой, в больших квадратных очках. В одной и той же одежде – спортивных штанах, майке алкоголичке и рубашке в клеточку поверх нее, садился он каждый вечер к деревянному окошку.

Около окна у него стоял стол, на котором была постелена пестрая скатерть с какими-то цветочными орнаментами. Виднелся и старый шкаф, якобы из красного дерева, из которого мужчина каждый вечер доставал целлофановый пакетик.

Скрипнет дверцей шкафа, дошаркает до стола и сидит, смотрит все куда-то в даль, куда-то ТУДА. Опомнится, развяжет аккуратно пакетик и высыпит на стол гору конфет. Проведет по ним аккуратно рукой, чтобы ровненько легли, пакетик аккуратно сложит и уберет в карман штанов. Включит старенькую настольную лампу и, поправив очки, будет по одной конфете брать, рассматривать и откладывать, пока не пересчитает и не разложит по цветам их все.

Возьмёт синенькую с васильком, посмотрит на нее и в сторону. Черную с маской посмотрит, «барбарис», «гусиные лапки», «стратосферу». И все в рядки их складывает, сортирует. А какую-нибудь схватит и держит в руке, и смотрит в окно долго-долго. Дойдя до последней, положит её, посмотрит на все, пересчитает еще раз. А потом быстро достанет пакет, сгребет рукой их все обратно, завяжет, зашаркает к шкафу и уберет. Погасит свет.

Каждое утро его можно встретить у подъезда. Он ходит по улице туда-сюда, сложив руки за спиной, или долго сидит на лавочке, глядя подъездного

кота. Иногда к нему присоединяется старичок с первого этажа. Увидит его и бежит быстрее, чтобы поговорить.

– Ну что ты, Мотя. Всё маешься? – хлопнет он мужчину по плечу. – Да полно тебе.

Мужчина промолчит. Пожмет старику худощавую руку и, не взглянув на него, продолжит смотреть в даль.

– Да лет-то сколько прошло? Займись вон чем-нибудь, – присаживаясь рядом, продолжит старичок. – Кота себе этого возьми что ли. Что ты его все на улице кормишь, так бы с ним хоть...

Мужчина повернется на старичка, посмотрит пустым взглядом, быстро встанет и пойдет к подъезду.

– Эх, Мотя... – протянет старичок, махнув рукой.

Дверь подъезда противно хлопнет. Старичок посидит еще, посмотрит по сторонам, к кому привязаться можно, и, не найдя собеседника, тоже уйдет.

Матвей живёт в этом доме всю свою жизнь. В детстве он ютился с родителями в крохотной однушке, а как поступил в институт, отец достроил дом в Подмосковье и оставил жильё единственному сыну. Мотя был очень скромным и тихим ребенком. В детстве он переболел гриппом, и зрение его сильно упало, поэтому всю жизнь его дразнили из-за больших очков. Закончив школу, он поступил в Московский строительный институт, где тоже был незаметным и ни с кем особо не общался. Отсидит пары и быстро бежит на троллейбусную остановку, опустив голову. Его может и звали одногруппники пойти в кабак, да только привык он всё время проводить в одиночестве. Придёт домой, пообедает жидким куриным супом и сидит над конспектами до вечера.

Но однажды весной в соседнюю квартиру переехала девушка. Высокая, тонкая как струна, с длинными черными вьющимися волосами, и всегда с улыбкой на лице.

И так уж вышло, что одновременно с Матвеем открывали они двери квартир с утра, чтобы отправиться на учебу. И когда такое произошло в

первый раз, Мотя, увидев девушку, опустил голову и быстрым шагом направился к лифту. Девушка удивилась, но не растерялась. Она легким шагом подошла к лифту и, улыбнувшись, протянула Моте свою тонкую ручку.

– Доброе утро! Я Аня, – сказала она.

Мотя прижал к груди свой коричневый портфель, замешкался и украдкой поднял на девушку взгляд.

– Давайте знакомиться, теперь мы соседи, – продолжала девушка.

Мотя посмотрел на её протянутую руку и, не пожав её, тихо сказал:

– Мотя... Ой... Матвей.

Девушка посмотрела ему в лицо и опустила руку. Двери лифта открылись, и она запорхнула в него и встала к стенке. Мотя зашел следом и, встав к девушке спиной, нажал на кнопку первого этажа.

– О...Очень приятно ... познакомиться, – почти шепотом сказал Матвей.

– Взаимно, – звонко ответила Аня.

Двери лифта открылись, и Мотя как ужаленный побежал на остановку. Девушка остановилась и, посмотрев ему в след, хмыкнула. Поправив рукой волосы, она пошла в другую сторону.

Каждый день с утра они встречались на лестничной клетке, и каждый раз из Моти нельзя было вытянуть ни слова, кроме как приветствия. Он сначала думал выходить на пять минут раньше или позже, но всё же решил не менять свой график и выходил одновременно с девушкой.

В окно он видел, что домой она возвращается около шести вечера. Легкой походкой идёт по тротуару, а иногда нарывает букет сирени, растущей напротив их дома. Или несет покупки из магазина, останавливаясь около подъезда, чтобы передохнуть.

И как-то приятнее Моте стало жить, когда каждое утро он видел приветливое лицо Ани, а каждый вечер смотрел на ее фигурку в окно. Он все думал с ней заговорить, но не знал о чем. Иногда уже почти открывал рот, чтобы спросить её про что-то, когда они встречались у лифта, но тут же закрывал и опускал взгляд.

Он знал, что в магазин Аня ходит по средам. И тяжело ему было смотреть, как она каждый раз несет два больших пакета к дому. Но выйти помочь не решался. Лишь опускал глаза к чертежам, от стыда за свою беспомощность.

Настало лето, и Мотю определили на стажировку на строительный завод. Он перестал видеть Аню по утрам, потому что уходил теперь раньше. Да и возвращался он позже, поэтому не видел её и вечером.

Но вот однажды, когда он вечером шел после работы, он увидел, что Аня сидит на лавке возле подъезда.

– Здравствуй, – сказал он, исподлобья глядя на девушку. И быстро пошел к двери.

– Мотя, стой! – крикнула Аня.

Он остановился и обернулся, около лавки стояли три хозяйственные сумки в клетку.

– Иди сюда, – позвала девушка, поманив его рукой.

Мотя медленно подошел к лавке, смотря себе под ноги.

– Я к родителям ездила, они мне надавали. Я с самого Сергеев Посада их ташу, – показала она на сумки. – Ты не мог бы мне помочь, пожалуйста.

Мотя посмотрел на Аню, потом на сумки и, не сказав ни слова, взял две из них и понес к подъезду.

– Спасибо, – сказала девушка, стирая пот с лица.

– Я... Я сейчас вернусь за третьей, – сказал он отрывисто. – Сиди.

Дверь подъезда хлопнула.

Через несколько минут он вернулся и, взяв оставшуюся сумку, понес её к двери. Аня последовала за ним. Они зашли в лифт и поднялись на девятый этаж. Мотя аккуратно поставил сумку. Он весь запыхался и тяжело дышал. Подняв глаза на Аню, он кивнул и пошел к двери своей квартиры ища в кармане ключи.

– Матвей! Подожди, – сказала девушка. – На вот. Спасибо. – Улыбнувшись, она протянула ему ладонь, на которой лежала конфета «Мишка на севере».

Мотя посмотрел на конфету и, не поднимая глаз, сунул её себе в карман.

Долго он потом вспоминал этот случай. Как было жарко, как ручки сумок врезались ему в ладони, улыбку и конфету, которую он положил в ящик стола.

Как-то у Ани сломался кран. Она постучала в дверь к Моте, и он согласился ей помочь с ним. Она пыталась дать ему денег, но он не взял, тогда она дала ему еще горсть конфет.

Шло время, и Мотя всё ждал, что может он понадобится девушке за чем-то. Но нет, она больше ни о чем его не просила. Он не видел её всё лето. А в сентябре они опять начали выходить на учебу одновременно.

Он снова видел её точеную фигурку каждый вечер из окна, а иногда открывал ящик стола, чтобы посмотреть на конфеты. И какое-то чувство всё сильнее и сильнее завладевало им. Он хотел видеть её улыбку, хотел о ней что-то знать, хотел принести ей цветы или сходить с ней в парк.

И наконец решил, что каждую среду к шести вечера будет выходить к подъезду и читать книгу на лавочке. Вдруг она попросит донести сумки.

Когда он вышел первый раз, его всего трясло. Он думал, что она сразу поймет, что он вышел специально, что он за ней караулит или еще чего.

Но Аня ничего такого не подумала, она увидела Мотю и, поставив сумки возле лавки, села рядом с ним.

– Привет, чего читаешь? – улыбаясь, спросила девушка и аккуратно повернула обложку книги, чтобы увидеть название. – У-у, «Технологии деревообработки». Серьезно.

– П-привет, – тихо сказал Мотя, поднимая на нее свой взгляд.

– Слушай, а ты видел объявление? Нам подъезд будут красить. А Степан Семенович с первого этажа на них ругается, у него аллергия на краску, – засмеялась Аня.

Мотя кивнул и опустил взгляд в книгу.

– Значит ты в строительном учишься? – продолжала девушка. – А на кого?

Мотя кивнул.

– А я учусь в пищевом на «Соколе», на инженера-технолога. У меня мама на кондитерской фабрике работает.

Мотя не понимал, как она так без труда всё про свою жизнь рассказывает. Он очень стеснялся и боялся показаться глупым.

– Мотя, ну что ты все в книгу смотришь? – не унималась девушка.

Матвей закрыл книгу и поднял взгляд на Аню.

– Спасибо за конфеты, – сказал он.

– Ох, ладно тебе, – махнула рукой девушка. – Расскажи про себя, ну мы же соседи!

– Я учусь на инженера, на кафедре технологий и организации строительного производства, – отрывисто сказал Мотя.

– Нравится тебе?

– Очень.

Они посидели немного в тишине. Потом Аня встала и, отряхнув юбку, взялась за ручки пакетов.

– По-подожги. Я помогу, – сказал Мотя.

Он резко встал, положил книгу во внутренний карман куртки и забрал из рук девушки пакеты. Молча они поднялись на этаж и, когда Мотя начал искать свои ключи, Аня протянула ему конфету.

– С-спасибо, – покраснел Матвей.

После этого Мотя каждую среду помогал Ане донести до квартиры пакеты. И всё дольше и дольше они сидели вместе на лавочке. В основном говорила Аня. Она рассказывала про свою учёбу, про родителей, про их смешную собаку Томаса, про книги, которые она прочитала, про то, куда планирует съездить на отдых, про всё на свете. Мотя кивал или отрывисто

говорил пару фраз, но со временем он привык и вполне уже мог спросить что-то или рассказать про учебу.

Закончилась учеба в институте, и Мотя вышел работать на строительный завод на полную ставку. Мама Ани устроила её на кондитерскую фабрику. И всё реже, и реже становились их встречи. Но иногда Аня стучала в дверь Мотиной квартиры, и они подолгу сидели на кухне. Она всё пыталась как-то аккуратно подать ему знак, что он тоже ей дорог. Но он этого не понимал, да и боялся сделать что-то не так. Через два года она вышла замуж и съехала с квартиры.

Мотя снова закрылся и всё время проводил за работой. Он по привычке иногда выходил к подъезду и сидел на лавочке. Иногда открывал ящик стола, где лежали конфеты, но, разозлившись, хлопал им. А один раз взял конфеты и кинул в мусорное ведро. Но всё же достал и убрал обратно в стол.

Прошло пять лет и однажды Мотя услышал звук поворачивающегося ключа в соседней квартире. Он подбежал к глазку и увидел Аню. Он быстро открыл свою дверь.

– Аня! – радостно позвал он.

Женщина обернулась. Её фигура пообрюзгла, волосы были убраны в пучок, и вид у нее был уставший.

– Развелась, – сказала она.

Мотя кивнул и быстро закрыл свою дверь. Он посмотрел в глазок, как она открыла квартиру и хлопнула дверью.

На дворе стоял ноябрь. За окном по железному подоконнику противно стучал дождь. Мотя сел за свой стол и включил настольную лампу. Он решил, что непременно должен что-то сделать, но не мог понять, что именно и промучился в сомнениях всю ночь. На следующий день он сходил на рынок и купил красный виноград. Поднявшись на их этаж, он постучал в дверь Аниной квартиры. Женщина открыла дверь, и Мотя протянул ей пакет винограда.

– Ох, Мотя. Что ты! – Улыбнулась Аня. – Проходи-Проходи.

Мотя кивнул и зашел в квартиру. Они прошли на кухню и Аня, помыв виноград, положила его в красивую хрустальную салатницу. Она налила чай, и они долго сидели в тишине.

– А-ня. А-ня. Я с тобой, – очень тихо сказал Мотя.

Женщина подняла на него свои когда-то красивые глаза, и по её щекам потекли слезы. Она положила свою голову на Мотино плечо, и он чувствовал запах её цветочных духов.

Так и сидели они весь вечер, а в вазочке блестел нетронутый виноград.

Мотя снова начал каждую среду помогать Ане с сумками, и всё так же она давала ему конфету, как уже символ их многолетней дружбы.

В выходные можно было видеть, как они гуляют в парке, а иногда их можно было встретить стоящими у кинотеатра за билетами или на рынке выбирающими фрукты.

Шли годы, и дружба их переросла уже в какое-то родство душ. Мотя каждый день спускался к подъезду, чтобы встретить Аню, и все соседские бабки, завидев их, шептались: «Вот это любовь».

Аня дослужилась до поста главного инженера, и её поставили перед фактом, что либо она едет работать на Север на новую фабрику, чтобы поднимать там производительность труда, либо попадает под сокращение, потому что на её место есть специалист лучше – сын директора.

Она долго металась, ведь не сможет она уже найти такой же пост, и решившись, сообщила Моте об её уезде. Они посидели на кухне, Аня плакала, Мотя кивал головой. На следующий день она уехала.

Каждую неделю они слали друг-другу письма. И Мотя для Ани открылся совсем с другой стороны. Его письма были полны описаний погоды, разных случаев с работы, откровенных мыслей о жизни, о ней, о их юности. Она с нетерпением ждала каждое письмо и хранила их, перечитывая вечерами. На новый год она прислала Моте коробку конфет с их фабрики. Мотя прислал ей в ответ изюм, и они посмеялись на разных концах страны.

Много-много лет тянулась их переписка. А потом письма перестали приходить. Мотя пытался узнать телефон фабрики, где работала Аня, но не знал у кого — в телефонном справочнике его не было. Ему удалось найти адрес её работы, и он послал письмо туда, но ему не ответили. Он даже думал сам поехать по адресу с писем, но не решился.

Прошел год, от Ани так и не было ни одного письма. Он все открывал ящик стола и закрывал его. Ходил туда-сюда по улице. Соседи смотрели на него с жалостью и сочувствием, а он прятал от них своё лицо. Прошел еще год и еще. И всё, что осталось от Ани, это были конфеты, которые он аккуратно переложил в пакетик и убрал в шкаф.

Люди видели в окно, как одинокий мужчина пересчитывает конфеты и думали, что у него нет денег. И однажды постучали к нему в дверь с целым мешком конфет. Мотя открыл дверь, посмотрел на женщину с девочкой, державших большой пакет конфет, и спокойно сказав «у меня диабет», закрыл перед ними дверь.

Титович

У нас принято собирать всё советское и складировать на даче. Как-будто вот-вот исчезнет любая весточка о «нерушимом». Но не так, чтобы всё подряд собирается, но то, что в сердце какой-то добрый отклик оставляет. Коллекция стеклянных ёлочных игрушек – оставляет. Особенно спутники из стеклярусов и бусин, голова Черномора, старик Хоттабыч, зеленый горошек. Бережно лежат выпуски «Огонька», так, что если на голову упадут — кранты, какие-то детские дореволюционные книги, есть «Записки охотника», которые страшно взять в руки.

Но самое милое — это бесчисленные альбомы с открытками. Толстенные, либо темно-синие, либо коричневые, обтянутые кожей или материей. С плотными листами бледно-голубого цвета, с дырочками для заправки углов открыток. На каждом развороте по две или четыре влезает. Пахнут они, как старые книги – восторгом.

Аккуратно альбом открываешь, он потрескивает и начинает рассказывать истории. Множество открыток посвящено праздникам. Если восьмое марта, то на открытке обязательно тюльпаны и мимоза, если новый год — то кремль или еловая ветка, если Первомай — то знамя, лозунг, если день рождения — корзина цветов. Особенно хороши детские открытки, со всякими ёжиками, зайчиками, сказками, серия открыток про майского жука. «Жил на свете добрый жук, добрый жук...» Но в нашей коллекции была и ужасно страшная открытка — там у женщины к доске прибит язык. Интересно, чем заслужил её получатель.

Все детство было любопытно разглядывать картинки на открытках, водить по ним пальцами, ощущая тиснение, представлять себя в сюжетах сказок, верить в деда мороза с мешком. Фантазировать, как кто-то нес открытку на почту, облизывал марку, подгадывал время, чтобы вовремя пришла, не опоздала.

Но у открытки две стороны, и вот со второй я познакомилась, будучи уже незаинтересованная майскими жуками или сверкающей ёлкой. Как-то вечером, в очередной раз взявшись за альбомы, я подцепила краешек открытки. Так я узнала про Льва Титовича.

«Лев Титович, дорогой вы наш, родной человек! Надеюсь, вы в добром здравии! Мы так скучаем по вам! Пусть у вас всё будет хорошо. Будьте здоровы. Надеюсь на скорую встречу. С любовью, Зорькина Татьяна».

Открытки собирались и по соседям, и по барахолкам, и от родственников, и где только не собирались, а главное — сколько лет! Поэтому, кто такой этот Лев Титович, я не представляла.

Любопытство победило, и я выковыряла открытки из всех альбомов, разложила их на стопки и погрузилась в чтение чужих жизней. Из разных городов, из разных стран, от разных людей другим людям слались эти маленькие кусочки плотной бумаги. Были и датированные 1900 годом, были и на немецком, и на французском, и с таксами, и с карапузами, и с горечью, и с радостью. И на некоторых в графе «кому» значилось Льву Титовичу Одинцову.

«Дорогой Лев Титович! Поздравляю вас с Новым Годом! Желаю крепкого здоровья, успехов в труде! Вот мы и на месте. В Полтаве. Город большой, но я еще не знакомилась с ним. Целую, Лиля».

Кто такой этот Титович, что уже вторая дама его целует? Видимо, не хухры-мухры. Небось весь статный, в пошитом коричневом пальто, в широкополой шляпе и с трубкой, ходит на почту за открыточками. А потом сидит в своем кресле около камина и читает письма с усмешкой и удовольствием.

«Дорогой мой Лев Титович! С Новым Годом! Говорят, что в этом году исполняются все разумные желания. Не знаю, сколько у меня разумных, но в январе 1976г. увидеть вас бодрого, здорового, веселого, доброго — это очень разумно. Целую вас. Скоро я вернусь из Риги - позвоню. Ваша Ангелочек В.К.»

Вот и ангелы ему записали. А с какой чувственностью и преданностью, сейчас так уже никто и не пишет. А Титовичу писали и много. Кем-то он важным работал наверно. Врачом или, может, прокурором или вообще не работал, а жил себе в старом доме, да отправлял всем знакомым открытки. Да если бы он был дворником или инженером, вряд ли ему бы так писали или бы писали?

«Дорогой Лев Титович! Что—то вы нас забыли. Мы соскучились! Приезжайте к нам на чашечку чая, мы будем очень рады. Сейчас у нас работы поменьше, хоть можно вздохнуть и Сашка встал с постели весь октябрь и ноябрь он болел, а мы его лечили и не видели света божьего. Лев Титович! Дорогой! Мы вас по-прежнему любим и очень хотим видеть. Приезжайте поскорей! Обнимаем вас. Ваши Элла и Володя».

Титович прочитает письмо, порадует, что помнят про него. Встанет к зеркалу, пригладит свои черные густые брови, всмотрится в отражение своими зелеными глазами, повернется в свой греческий профиль и подумает: «Ну хорош!» Потом сядет в кресло, вытащит из тумбочки стопку открыток, выберет покрасивее и напишет ответ.

Титович-то, видно, часто открытки посылает. Наверно красноречив и искренен в своих посланиях, ведь не напишут абы-кому такой ответ.

«Дорогой Лев Титович! Получили ваше нежное милое послание. Стало весело и тепло на душе, что живет милый, веселый, добрый Лев Титович, и нас он немного любит и помнит. Спасибо вам за то, что вы есть и будете, пожалуйста, не 17 лет, а 117 лет. От ваших посланий веет человечностью, чего так не хватает сегодня людям. Посылаю вам птичку и бабочку, пусть они принесут вам наше тепло и признательность за то, что вы есть и за то, что вы такой хороший. Мы вас очень любим и ждем с нетерпением. Приезжайте! Ваша Рита».

Значит, знаком наш Лев с Ритой семнадцать лет и напоминает ей об этом. Чтобы она подумала, какая она сволочь, что забыла своему человеческому другу про это написать. Но Титович тоже забыл бы, да только на тумбочке у

него календарь стоит и все даты кружочком обведены. А в записной книжке пометки: «15 августа. Дата с знакомства с Ритой», «20 августа. Именины у Татьяны», «22 августа. День рождения у Эллы».

Да как напастись таким количеством открыток? Какие-то, конечно, Титович сам покупает, крутит стенд, берет те, что по три копейки. А какие-то ему вместе с письмом пустые присылают. Он карандашиком подписывает от кого, чтобы потом случайно тем же людям не отправить.

Наверное, он всё-таки был врачом. Все ему про своё здоровье пишут. У того нога прошла – заходил, забегал. У того голова больше не болит, и не лежит на кушетке. У Вани прошел коклюш, а Анна Сергеевна больше не бегаёт за корвалолом в аптеку, на лыжи встала.

Но в поликлинике к Одинцову не записаться, на пенсии он уже как лет пять. Уехал в Подмоскowie, выращивает помидоры, из леса тащит зверобой, ромашку, чай с мятой пьёт. И благодарность ему не выразить, не сунуть коньяк с конфетами, чтобы без очереди принял. И только избранные, кому Титович свой адрес начиркал, могут ему пожаловаться, да похвалить его, да поздравить с чем-нибудь, да аккуратненько спросить — чем лечить ангину.

Но люди-то не дураки, адрес Титовича быстро между собой распространили. Как это? Всю жизнь он их лечил, рецептики писал, а теперь только помидоры поливает. Писали ему сначала письма, по три страницы, но ответа не получали. Злились на него, скрежетали зубами. Даже обзывали зазнавшимся старикашкой. А потом кто-то обмолвился: «Шлите ему открытки, он их коллекционирует». Послали. Ответил.

Так и началась эта открыточная деятельность. Заметили, если просто писать «Прошу помощи, посоветуйте», Титович не отвечает. А вот если написать «Спешу поздравить вас с Рождеством», да выразить благодарность, Титович ответ открытым письмом шлёт, да просит открыток ему еще прислать.

Сам он пишет только тем, кто в избранном списочке, кто в книжечке записан, а вот отвечает тем, кого вроде бы помнит или кто с праздником его

поздравил. Особо благодарных заносит в списочек, и все мечтают в этом списочке оказаться. Изощряются, пишут как можно красноречивей, открытку выбирают как можно оригинальней, чтобы не с красной звездой, а с какой-нибудь птичкой или натюрмортом. И как только какой-нибудь праздник, бегут на почту. Ни маму поздравлять, ни брата, ни бабушку, а Льва Титовича Одинцова уважаемого и любимого. И пишут все: «Приезжайте в гости». Ну а вдруг придет, сразу всех домочадцев посмотрит, в уши, в горло посветит, по коленке постучит.

Слыхали, что к кому-то приезжал. Главное писать, что на чай, что соскучились, что любят, ждут всегда, и в мороз, и в стужу, и в жару, и в дождь.

«Поздравляем вас сердечно, Лев Титович. С Наступающим Новым Годом и шлём наши наилучшие пожелания, доброго здоровья. Что-то у нас все под новый год разболелись. У М.А. повышенное давление, у Оли неудержимое чихание – грипп, и я со всеми болезнями старости. Иванова».

Титович открытку получит, прочитает, посмотрит, достанет другие открытки от Ивановой. Увидит, что уже два года его с праздниками поздравляет. Походит по комнате потрет усы, выглянет в окно посмотрит на погоду. Открытку еще раз перечитает, посмотрит адрес. «Угу, Проспект мира, час езды». И решившись, быстро оденется, схватит свой медицинский чемоданчик, прыгнет в свой красный москвич и помчит в Москву.

А там на проспекте будет слушать: «Ой, это вы, да что вы! Да не надо было ехать... Давайте чаю... да вот спина... да Оля ... да что вы».

Всех посмотрит, послушает, пощупает. Напишет, чем лечиться. Чая попьёт. А потом быстро попрощавшись, прыгнет в машину и быстрее на дачу – отдыхать у камина.

Ивановы уж этого не забудут, пришлют потом открытку на рождество, на крещение, на двадцать третье, на пасху. Титович порадует, засунет открытки в очередной альбом. Закурит трубку от удовольствия.

А потом бац, и сам чем-то захворает. Захворает, не сможет никуда ездить, тяжело будет ему открытки слать. И посыплется на него бесчисленное

множество: «Куда вы пропали, милый наш?», «Что-то вы нас забыли!». От тех, кто не знает, что болен их Титович. И множество открыток с пожеланиями здоровья от тех, кто знает.

«Здравствуй, Родной! Поздравляю с праздником Первого мая – весны и цветов. Желаю хорошего здоровья и поправиться, и никогда больше не болеть. Моё здоровье никуда. Понамарева. А.»

«Ох, Аллочка! А моё куда?» — подумает Титович. Рассмотрит цветы на картинке, обопрётся на палочку, пошаркает к полкам с альбомами. Аккуратно заправит углы открытки. Выйдет на веранду, сядет в кресло-качалку и будет смотреть на цветущие яблони.

И через много лет продадут его дом. Вытащат его драгоценные альбомы, скинут в тачку и отвезут на барахолку. Выложат их на цветную клеёночку раскрытые, чтобы коллекционеры могли в них ковыряться. И будут их дербанить, вытаскивая и засовывая туда-суда открытки. И никто не захочет брать те, что с письмами. А мы возьмем, возьмём и будем их сердечно любить и аккуратно хранить, и радоваться картинкам, и знать, что жил на свете всеми любимый Лев Титович.

Слава

Слава страшно пил. С утра до вечера, с вечера до утра, а когда выпивка кончалась, он шел по соседям в поисках денег. Но Слава особо ничего не умел. Поручат ему дрова колоть, а он ни один пень разрубить не может. Поручат забор красить – так он снизу вверх кистью вазюкает. Поручат кирпич класть, так он его на ноги уронит. Ну и перестали ему что-либо поручать. Но Слава не отчаивался и продолжал ходить.

– Тань, ну дай сто рублей! – молил Слава.

– Да нет у меня, давай топай.

– Тань, ну очень надо! – руки дрожат, глаза блестят, стоит рыжий ус свой крутит.

– Всё, Слав, иди, – закрывая калитку, говорила соседка, и он шел дальше.

Ссутулившись и дрожа, высокий, худой с впалыми глазами и острым кривым носом, он бродил от забора к забору, от соседа к соседу и почти что молился: «Боженька, дай мне денежку». И кто-то жалел Славу и вправду давал. Он скромно улыбался и прятал купюрку в кармашек своего поношенного пальто.

– Спасибо-спасибо! Я в долгу не останусь, – благодарил Слава.

– Ой, иди уже.

«Сегодня еще поживем, сегодня еще поправимся», – думал Слава. Он брел до магазина, с теплотой сжимая бумажку в кармане.

– Марин, дай беленькой бутылочку, – говорил он продавщице в синем белом фартуке.

– В долг не дам! – отвечали красные губы.

– Да есть у меня деньги! Есть! – он кинул на прилавок бумажку.

Продавщица открыла дверь шкафчика и достала заветный напиток. Она поставила бутылку на стеклянный прилавок, и стекло о стекло противно скрипнуло. Слава быстрее схватился за горлышко, но чуть-чуть замешкавшись и соображая спросил:

– Марин, а сдача?

– Какая сдача? Ты мне и так должен. Слав, иди.

Он шел домой и долго сидел при свече со своей старой подругой. Что-то вспоминал и ухмылялся, что-то еще приходило ему в голову, и он вздыхал. Бутылка кончалась, свечка догорала, а на следующий день всё повторялось. И с каждым таким кругом всё страшнее и страшнее становилось смотреть на Славу. А он всё думал: «Ну ничего, сегодня еще поживем, сегодня еще поправимся».

Весной, летом и осенью, пока дачников много, Слава справлялся со своим каждодневным походом. Но к концу октября он уже точно знал, что приходит тяжелое время и до весны надо как-нибудь дожить. Он всё просился на какое-нибудь дело, но ему ничего не доверяли.

– Да Оля! Да пойми ты, я же умру! УМРУ! – молил он соседку.

– Слава, иди уже, иди.

– Ты что хочешь, чтобы я умер? – кричал он в отчаянии. – Так я умру, Оля!

– Иди, давай, – закрывалась перед ним калитка.

«Сволочи, ну какие сволочи. Гадины. Сидят в своих теплых домах, чай гоняют, копеечку им жалко, жалко! Да чтоб им провалиться всем», – злился Слава.

Бывали дни, когда ему не удавалось найти денег и он весь дрожал, и злился, и бродил. Дрожал и бродил по пустым переулкам, где не горел ни один фонарь, где ни одна собака не пробегала, где не было никаких следов. И сыпал на него снег, и задувал под потертое пальто проклятый ветер, и дрожали его сухие жилистые руки. И когда уже в последнем окошке гас свет, он брел домой и садился за стол, и горько текла слеза по его щеке. «Пережить ночь, пережить-пережить, переживу, ночь, переживу», – шепотом повторял он себе под нос. А потом погружался в короткий беспокойный сон. Проснувшись, он повторял свои слова и снова окунался в сон и так до утра, а утром опять пытался найти денег.

Он как-то смог дожить до конца декабря и, проведя очередную, почти бессонную ночь, пошел по соседям.

– Тань, открой! Ради бога прошу, открой! Я умру! – кричал он на закрытую калитку. – Таня! Пожалуйста! Таня!

За калиткой послышалось шарканье тапок.

– Слав, ну чего тебе? – открыла дверь маленькая толстая женщина, в фартуке с яблоками, от которой пахло кухней.

– Тань, ну дай мне хоть палтишок! Ради бога прошу!

– Слава, отстань не до тебя сейчас! Ты слышал? Нам ёлки запретили рубить! – вытирая руки об фартук, возмущалась женщина. – Мы, считай, живем в лесу, и нам теперь нельзя ёлки рубить!

– Тань, какие ёлки? Дай мне денег, я умру сейчас!

– Слава, Новый год на носу! А ёлку не спилить – штраф! – игнорировала женщина просьбы Славы.

– Тань, ну давай я тебе эту ёлку спилю, дай мне только денег! Я умираю, – молил Слава.

– Что? Правда спилишь? Да врешь ты всё!

– Принесу я тебе ёлку! Дай мне денег.

– Всё, иди- иди. Так я тебе и поверю, – и хлопнула перед его носом калиткой.

«Гадина, какая гадина! Хочет, чтобы я умер! А я не умру, я сейчас пойду и спилю эту проклятую ёлку, и пусть ей пусто будет!» – злился Слава.

Он доковылял до своего дома, перерыл все свои вещи и нашел ржавый тупой топор. Положив его во внутренний карман пальто, он побрел в сторону леса.

– Слав, ты куда на ночь глядя в лес чешешь? – кто-то окликнул его на улице.

– Стреляться буду! – крикнул Слава.

– Чего? Стой давай! – окликнул его седой маленький мужичок с собакой на поводке.

Слава остановился, покручивая свой рыжий ус.

– Коля, мне не до тебя сейчас! Иди куда шел! – крикнул Слава, выронив топор из пальто.

– А топор тебе зачем? Стреляться? – ухмыльнулся мужичок подходя ближе.

– Очень смешно, – скрипнул зубами Слава.

– Ну, так давай хоть наточу тебе его, че ж ты из ржавого, что ли.

– Ну, точи раз предложил! – огрызнулся Слава.

– Так пошли.

Они прошли в конец улицы, и мужичок открыл калитку.

– Иди вон в сарай, сейчас я Герду в дом заведу и приду.

– Угу, – промычал Слава.

В сарае блестели банки с соленьями, в рядок стояли компоты и варенья, аккуратными пучками висели укроп и петрушка, громоздились мешки с картошкой и луком. Но Славин глаз сразу уловил полочку с наливками из черной смородины, самогоном и яблочной брагой. Неведомая сила сразу понесла его к этой полке, и он протянул свою руку к оранжевой бутылке.

– Э! Руки прочь! – окликнул его мужичок.

– Коль, ну дай мне бутылочку! Я в долгу не останусь.

– Знаем мы тебя, давай свой топор сюда, – протянул мужичок свою короткую пухлую руку.

Слава отдал топор, и мужичок отправился к станку, который стоял в углу сарая. Неведомый демон шептал Славе: «Возьми бутылочку, он не заметит, вон у него сколько, а тебе бы поправиться». Слава снова протянул руку к полке с наливками и провел ей по всем банкам и бутылкам.

– Я всё вижу! – крикнул мужичок, стоя спиной к Славе и точа топор.

– Да че тут видеть! Давай быстрее! — обиженно сказал Слава.

– Делай добро людям, – хмыкнул мужичок.

Топор был наточен. Мужичок протянул его Славе, и он снова положил его в карман пальто.

– Ты как Раскольников – ухмыльнулся Коля, поглаживая свой круглый живот.

– Чего? – не понял Слава. – Может ты мне все-таки дашь бутылочку, Коль?

– Ой, иди уже, иди!

«Гадина, – подумал Слава, выйдя за калитку. – Какая же Гадина, хочет, чтобы я умер».

На улице валил снег крупными хлопьями, обычный бы человек радовался предновогодней погоде, а Слава думал, что это ему назло. Он брел в сторону леса с одной лишь мыслью, что без ёлки ни за что из него не вернется. Ему казалось, что стоит ему только дойти до окраины, как он непременно увидит множество ёлок. Но добредя до тропинки, он увидел, что ни одной ёлки нет, и разозлился еще сильнее.

Время перевалило за полночь, и лес освещала полная луна. Слава брел всё глубже в лес и не видел на своём пути ни одной ёлки. «Это всё специально, это чтобы я тут умер», – думал он. Наконец он свернул с тропинки и пошел по сугробам, глубоко окуная свои дырявые сапоги в снег, который обжигал его, попадая на кожу.

«Да хоть бы какая, да хоть кривая и лысая попалась», – думал Слава. Он стряхивал снег с запорошенных кустов в надежде, что под ним будет ёлочка, но это были либо сосны, либо другие мелкие деревца. Почти уже не чувствуя своих рук и ног, он думал, что еще час, и он непременно свалится и умрёт.

Слава добрел до небольшой поляны и рухнул на колени, запрокинув голову к ночному небу: «Боженька, дай мне ёлочку», – молил он. От обиды и холода скупая слеза рассекла его худое лицо. Он опустил голову и в метрах трех от себя увидел заветную ёлку.

Как сумасшедший он бросился к дереву и начал махать топором. Руки не слушались его, и он не мог справиться. Он бросил топор и начал тереть свои красные худые кисти дыша на них. Потом опять схватился за топор и

продолжил рубить ствол. Наконец ёлка поддалась, треснула и рухнула глухим звуком на снег. Рядом с ней рухнул и обессиленный Слава.

Когда он пришел в себя, над лесом стояло красное зарево. «Значит уже утро, значит еще жив», – подумал Слава. Почти не чувствуя своих рук, он еле как вложил в пальто топор, снова растер их и встал. Перед глазами всё кружилось и мелькало черными вспышками. Он дал себе пощечину, и зрение более-менее вернулось. «Так я почти у входа в лес!», – разозлился Слава. Он осмотрел поляну и по следам понял, что очень долго ходил кругами. «Дурья башка», – злился Слава. Взял ёлку за ствол и поволок её к выходу.

– Таня! Открой! Таня! – закричал Слава, дойдя до дома соседки.

За калиткой послышалось шарканье тапок, и соседка открыла дверь.

– Ой, Боже мой, Слав. Что с тобой?

– На! – он воткнул Ёлку в сугроб рядом с калиткой. – Не сов-рал, – дрожащими губами выдавил Слава.

Ни разу не взглянув на женщину, он повернулся и побрел в сторону своего дома.

– Слава! Слав! Стой! – кричала ему соседка вслед, но он не обернулся.

– Сла-ва! – она крикнула в последний раз, когда он уже скрылся за поворотом переулка.

Добредя до своего дома, он закинул дров в печку, чиркнул спичкой, и пламя быстро охватило сухие поленья. Не снимая пальто, он рухнул рядом с ней и сразу же уснул.

Его разбудил стук в дверь. Он приподнялся на бок и подумал, что ему послышалось, но стук повторился. Он снова подумал, что ему слышится, и лег обратно.

– Слава, – кто-то крикнул за дверью.

Никто и никогда не приходил к нему. Он так сильно удивился, что сразу же встал на ноги. Голова его кружилась, и всё тело ломило. Он с трудом открыл дверь и вдохнул свежий воздух, который чуть-чуть привел его в чувства.

На пороге стояла соседка Таня, закутанная в овечий тулуп поверх домашнего халата и фартука.

– Тань, ты это, чего? – удивился Слава.

– На вот, – она сунула ему триста рублей, – за ёлку.

– С-спасибо, – не поверил Слава, взяв деньги.

– И это на. А то точно скоро помрешь, – протянула она ему пакет.

Слава взял пакет, не заглянув в него.

– Всё я пошла, давай, – она повернулась и пошла к открытой калитке.

– Тань! С-Спасибо! Тань! – крикнул Слава, всё еще не веря в то, что произошло. – Тань, а число-то какое сегодня?

– Да, двадцать восьмое уже, Слав, – где-то вдалеке послышался голос.

Слава закрыл дверь и посмотрел внутрь пакета. Там лежала бутылка с ягодным компотом и сверток с пирожками от которых пахло мясом и капустой. Он опустил лицо в пакет и вдохнул запах еще горячей еды. Тут он сообразил, что не может вспомнить, когда он последний раз что-то ел кроме хлеба и солений, которые из жалости давали ему соседи.

Он сел за стол, достал компот и поднес его уже к стоявшему на столе стакану, как вспомнил про триста рублей и понял, что не пил уже три дня. Его одолело нестерпимое желание помчаться в магазин за «беленькой». Он вскочил, побежал уже было к двери, но повернулся и уловил взглядом остывающие пирожки. «Успеется», – подумал Слава и сел обратно за стол. Он налил компот в стакан, в котором не бывало ничего кроме водки, и принялся уплетать пирожки. Прикончив свой первый обед за много лет, он стал засыпать, и пошел прилечь на кровать. Как в дверь снова постучали. «Послышалось», – подумал Слава. Но стук повторился. Он открыл дверь – на пороге стояла соседка.

– Оль, ты чего, – удивился Слава.

– Ты Таньке ёлку рубил? – недоверчиво спросила женщина из-под широких очков.

– Ну я.

– Сколько взял? – спросила соседка, засовывая руку в карман.

Немного подумав, Слава покрутил свой ус и ответил:

– Триста!

– Триста дорого! Дам двести, срубишь мне?

– Срублю, давай! – покручивая второй рыжий ус, согласился он.

Женщина достала из кармана кошелек и отсчитала две бумажки.

– Чтобы к шести вечера принес! – скомандовала соседка, протягивая деньги.

– А сейчас-то сколько, Оль?

– Полвторого.

– Принесу.

– Попробуй не принеси, – фыркнула женщина и, развернувшись, пошла к выходу.

Слава не мог поверить своим глазам, в руках он держал двести рублей. Он закрыл за соседкой дверь и полез в свой шкаф, чтобы найти одежду потеплее. Ему удалось найти пару шерстяных высоких носков, дырявый свитер, одну варежку и одну перчатку. «Сойдет», – подумал Слава, оделся и положил топор в пальто.

На улице ярко светило солнце и блестел снег. «Как же хорошо», – к своему удивлению подумал Слава и направился в сторону леса. Впервые за много лет у него не болела голова и не тряслись руки. Он быстро добрался до тропинки и пошел по ней в заснеженный лес. «Днем-то как-то полегче искать будет», – подумал Слава и действительно довольно быстро нашел ёлку. Срубив её, он взялся за ствол и потащил к выходу из леса.

– Оль, Оля! – довольный собой он кричал возле калитки.

Соседка повернула ключ и открыла дверь.

– Быстро ты справился! – обрадовалась женщина, смотря на ёлочку, которую Слава воткнул в сугроб.

– А то! – разулыбался Слава.

– К Светке еще зайди, она просила.

– Тоже за ёлкой?

– Ой, Слав! Ну а за чем? Давай иди уже! Спасибо! — сказала соседка, закрывая дверь.

Слава срубил ёлку и Свете, а за ней попросили другие соседи и другие. Так Слава и ходил за ёлками каждый день до тридцать первого числа. Кто-то ему давал домашнего молока, кто-то приглашал зайти и угощал борщом, кто-то давал яйца, кто-то кусок сала. Так он и не вспомнил про водку, а каждый раз возвращаясь домой сытый и радостный, ложился спать.

Проснувшись в канун нового года, он выпил ромашкового чая, который ему дали соседи, и пошел в лес за последним своим заказом. Выполнив его, на обратном пути он увидел соседа с собакой.

– Коля! Коль! – крикнул он соседу.

– А, ты, Слав! Здравствуй, – отозвался мужичок.

Слава подошел к соседу и потрепал собаку за ухом.

– Спасибо тебе, Коль за топор. Очень помог.

– Хорошо выглядишь, Слав, – заулыбался мужичок.

– А ты чего к празднику не готовишься? – спросил Слава.

– Ой, а че там готовиться, у меня даже ёлки нет!

– Как нет? Давай я тебе принесу?

– Да куда мне ёлку эту на старость лет, наряжать её еще.

– Я принесу! – сказал Слава и быстрым шагом пошел к лесу.

– Ой, Слав! Да не надо! – махнул рукой мужичок.

– Принесу! – отозвался Славин голос вдалеке.

В лесу он нашел маленькую аккуратную ёлку не больше метра и, срубив её, поволок к соседу.

– Коль! Открывай! Коля, – кричал он около калитки.

Дверь открылась, и сосед вышел к Славе.

– Ой, да не надо было, теперь еще игрушки искать.

– Пошли помогу нарядить! – закручивая ус и улыбаясь, сказал Слава.

– Ну, пошли уж, раз приволок.

Они вошли в дом и, отряхнув ботинки, занесли елку в небольшую комнатку, в которой кроме кровати, шкафа и небольшого стола с двумя стульями ничего не было.

– Неси ведро! – скомандовал Слава.

– Оно в сарае, пойду поищу. Посмотри игрушки на шкафу, в коробке должны быть.

Сосед вышел, и Слава благодаря своему росту с лёгкостью снял коробку со шкафа. В коробке были стеклянные блестящие игрушки всех цветов, бережно переложенные комками газеты. Слава сел за стол и подозвал Герду. Он потрепал её по голове и похвалил.

– Слав, возьми ведро! – крикнул Коля из коридора.

Слава взял ведро, отнес его в комнату и воткнул в песок Ёлку.

– Ох, это ж сколько я ёлку не ставил! Ну, лет десять! — поглаживая живот, сказал Коля.

– Ну, давай нарядим!

– Давай!

Быстро нарядив ёлку, Слава поставил пустую коробку на шкаф. Коля предложил ему чая, но тот отказался.

– Ну, всё, Коль, я пошел!

– Да давай уж вместе встретим.

– Ой, да не люблю я это всё, пойду! – отмахнувшись, сказал Слава.

– Ну, давай я тебя хоть до калитки провожу.

– Пойдем проводишь.

Они вышли на морозную улицу и, дойдя до калитки, Коля сказал: «Погоди».

Он быстро сбегал в сарай и протянул Славе бутылку самогона.

– На вот! С Новым годом!

– О, вот это спасибо, Коль! – заулыбался Слава.

Коля закрыл за ним калитку, и Слава побрел по улице до дома. Дома он растопил печку, достал припасы, которые ему надавали соседи и накрыл себе скромный стол. Порезал тонкими кусочками сало, сварил картошки, натер

кусочки черного хлеба чесноком и намазал его маслом, сварил яиц, положил квашенной капусты, поставил банку компота. Зажег три свечи вместо одной и сел провожать старый год. Он поставил стакан и потянул банку компота, чтобы налить, но тут вспомнил про самогон. «Не буду пить», – пронеслась мысль у него в голове. «Но я же заслужил, – пронеслась вторая. – Не буду. Заслужил». Так и мучился Слава, а потом встал и все-таки принес самогон. Он налил себе стакан и выпил его, закусив хлебом с салом. «Как хорошо», – подумал он. Выпил еще. «А сколько я хоть заработал?» – промелькнула у него мысль. Он вытащил из кармана пальто, которое висело на спинке стула, пачку купюр. Насчитав две тысячи, он положил их на стол и налил себе еще стакан. «Это я еще мало срубил, вот в следующем году все пять тысяч заработаю, а на эти деньги спокойно до следующего декабря доживу» – думал Слава. Ни разу у него еще не было столько денег, заработанных, не выпрошенных, своих. Он налил еще стакан. В голове начинало плыть, и он всё думал, как хорошо проживет на эти деньги. «Сегодня ещё поживём, сегодня ещё поправимся». Всё улыбался и подкручивал усы. Прикончив бутылку, он заснул. Через несколько дней его нашли мертвым, сидевшим за столом, на котором лежали заработанные им деньги.

Геракл

В одном небольшом поселении жил человек. Его дом стоял возле футбольного поля, на котором весь день бегали мальчишки, а ночью какая-нибудь парочка смотрела на звезды.

Дом представлял собой покосившуюся конструкцию из мусора. Отовсюду торчали доски, какие-то булыжники, в крыше была дыра, окна были заклеены или забиты криво и косо, а где-то отсутствовали, висели какие-то тряпки. Забор был ничуть не лучше жилища. Он состоял из разных досок, перемотанных проволокой и легче его было совсем убрать, но в России положены заборы. Без забора никак, забор прячет то интимное, что положено прятать. Этот забор не мог ничего спрятать и стоял поскольку постольку. И можно подумать, что ничего хорошего у этого жилища не было, но нет – было! Был великолепный куст темно-фиолетовой сирени. Он рос сразу за забором при входе в дом. И когда наступал месяц май, красивые пахучие ветки частично скрывали груды мусора.

В этом доме жил человек и никто не знал, как его зовут и сколько ему лет. Местные жители называли его Геракл. Но не стоит представлять себе греческого атлета. Этот Геракл был с курчавой седой головой, наподобие клоунского парика, роста в нем было от силы метр шестьдесят. Владелец ничем не примечательных блеклых глаз и никак не запоминающимся лицом. Вроде бы знаешь как он выглядит, но лица никак не вспомнить, только клоунскую прическу. И можно подумать, что ничего от канонического Геракла в нем не было, но нет – было! Были сильные мускулистые руки, которые он не прятал под одеждой, а ходил в растянутой бежевой майке и зимой и летом, и в дождь, и в снег.

Из-за мускулистых рук он и получил своё прозвище, а такие руки он получил потому, что постоянно таскал какой-то хлам к себе на участок. Бывает идешь по улице, а он везет тачку, набитую какими-то обломками бетона. Откуда он его везет? Зачем он его везет? Что он с ним делает? Никто не знал,

да и не интересовался. Руки Геракла никогда не были свободны: то какие-то доски, то тряпки, то куски железа, то картонные таблички с объявлениями, то куски шифера, а то и всё вместе несет он к своему жилищу. Но участок оказался не резиновым и в один день кончилось на нем место для находок. Наш товарищ не растерялся и начал заваливать хламом сначала свою сторону улицы, пока за грудями не исчез его забор, а потом и сторону соседей.

Можно подумать, что больше он ничем не занимался, но нет – занимался! У него было семь великолепных собак. Такой красивой породы никто из местных жителей никогда не видел и не знал, как она называется. Семь белых красавцев обладали густой шерстью, были идеально вычесаны и вымыты, сверкали своими черными носами и глазами. И проходя мимо жилища Геракла можно было видеть, как из щелей и груд мусора торчат их великолепные морды.

Геракл дожидался, когда мальчишки наиграются в футбол на поле и выводил свою стаю на вечернюю прогулку. Собаки без поводков послушно размеренным шагом выходили из калитки, а их хозяин шел за ними. Они как пушинки от одуванчика разлетались по всему полю и резвились в своих собачьих развлечениях. Геракл стоял на тропинке и любовался своими питомцами. А когда собаки начинали громко гавкать или убегали слишком далеко, он очень беспокоился и звал их к себе:

– Леша! Леша! Боря! Таня! Ну что вы как дети, ей-богу. Ко мне!

А если собаки не отзывались, он задирает свою мускулистую руку и тряс кулаком:

– Вася! Саша! Люба! А ну хватит! Быстро сюда!

Была у него и любимица – Агнесса Павловна, которая никуда не убегала, а сидела возле ноги своего хозяина. С ней он вел беседы о высоком, пока остальные собаки носились по полю.

– Агнесса Павловна, какое сегодня великолепное небо! – говорил Геракл похлопывая её по лохматой голове.

– Вы сегодня какая-то смурная, не изволите ли каши мясной на ужин?

Собака поднимала на него свой черный взгляд и как будто бы всё понимала, махая своим хвостом рогаликом.

После прогулки он засовывал пальцы в рот и громко свистел, собаки собирались в один белоснежный шар и прибегали к хозяину. Потом они выстраивались цепочкой и шли обратно на участок и когда заходила последняя, Геракл с Агнессой Павловной закрывали калитку.

Сначала все думали, что Геракл собак разводит и живет на эти деньги, но собак не прибавлялось, не убавлялось и поэтому стало ясно, что он просто с ними живет.

Никто никогда не видел, чтобы Геракл с кем-то разговаривал из жителей. Он только здоровался со всеми, кого встречал, не зависимо от того, знал он человека или нет. Отвесив кивок головой, он очень четко произносил слово «Здравствуйте» и никакое другое, даже если мимо него пробегали пятилетние мальчишки, он не менял приветствия.

Когда-то у него была жена, но никто уже не помнит наверняка – была ли. Вроде была, тоже маленького росточка и тоже кучерявая. Вместе они ходили на поле с собаками, а когда он привозил тачку хлама к своей калитке, она выбегала и протираала ему тряпочкой пот со лба. Никто не помнил её лица, но повстречав её на улице все узнавали жену Геракла. А когда он завалил хламом всю улицу, жена исчезла, а может её и не было, ведь никто не мог вспомнить её.

Из-за того, что никто про него ничего не знал и с ним никто не разговаривал, местные жители придумали легенду. Что когда-то из-за его причуд все отвернулись от Геракла и он остался совсем один. Тогда он и придумал здороваться с каждым встречным. В надежде, что на его «Здравствуйте», кто-то ответит «Здравствуйте». Но ему либо не отвечали, либо быстро сказав: «Здрсти», бежали дальше. Никто ни разу его не спросил про жизнь, про его дом и тогда он завел собак. Однажды, он бродил по поселению в поисках хлама и нашел плотно завязанный полиэтиленовый пакет из которого доносились пронзительные пiski. Геракл развязал его и

обнаружил семь беззащитных слепых белых комочков и кинув свои доски и палки, подложив кусок старого холщового мешка в свою тачку, переложил щенят в нее и отвез в своё жилище. С особой нежностью и трепетом он заботился о щенках, кормил из пипетки молоком, пока они не открыли глазки. И там, среди груды досок и камней, маленькие белые пушистики полюбили Геракла, а он полюбил их. Он назвал их людскими именами потому, что они были для него людьми, даже больше. Ведь люди не понимали Геракла, а щенки понимали, он знал, что понимали. Может и придумали это местные жители, а может так и было на самом деле, никто уже и не вспомнит.

Так и жил Геракл один со своими семьёю красавцами псами. Выводил их на ночные прогулки, а иногда можно было слышать, как он разговаривает с ними на своем участке.

Но однажды ночью, кто-то перебросил ему через забор отравленное мясо, кто-то с той стороны улицы которую Геракл завалил хламом. На утро Геракл обнаружил трех собак, безжизненно лежавших под кустом сирени с пеной у рта. Он завопил как растерзанный зверь и бросился к своим питомцам. Не увидев еще четверых, он упал на колени и закричал:

– Агнесса Павловна! Боря! Таня! Вася!

Он услышал тихий стон, разносившийся из-за угла дома, и бросился туда как можно быстрее. Там лежали еще три бездыханных тела и лишь одна Агнесса Павловна мутным взором посмотрела на своего хозяина. Он схватил её на руки и побежал до ближайшей клиники, которая находилась в соседнем поселении. Там Агнессу Павловну сумели спасти. Врач поставил ей капельницу и наказал Гераклу каждый день приходить на процедуры в течении двух недель. Так он и сделал.

Несколько дней после случившегося, он подстилал холщовый мешок в свою тачку, клал на него Агнессу Павловну и ходил в соседний поселок. Когда собака окрепла, они выходили вместе из калитки и шли на процедуры к врачу. Она тыкала своим влажным носом ладонь своего хозяина. И он понимал, что она как бы говорила ему: «Ничего, мы переживем».

Долгое время никто не видел Геракла, он больше не таскал свой хлам и не выходил здороваться. Но кто-то нашел в лесу шесть свежих могил на которых были воткнуты омерзительные пластмассовые цветы. Шесть маленьких земельных холмиков недалеко от футбольного поля были заметны до первого снега, а потом их укрыло и только совсем вблизи были заметны разноцветные лепестки цветов.

Наступила весна, но Геракла так никто и не видел. Только жирного рыжего кота, который сидел на куче хлама возле дома Геракла и, наверное, думал: «моя».

А вот летом Геракл появился. Он стал собирать хлам с соседской стороны дороги, клал его на тачку и куда-то увозил. Сначала исчезли все железные листы, потом доски, потом камни. Потом он убрал хлам со своей стороны дороги, а потом отремонтировал крышу своему домику. Кто-то из местных жителей говорил, что видел, как Геракл сдавал металлом. Решили, что так он наскребал деньги, чтобы расплатиться за процедуры с врачом.

Геракл снова начал выходить на вечерние прогулки с Агнессой Павловной. Она так же послушно сидела возле его ноги и поэтому он начал брать с собой раскладной стульчик. Они сидели вместе и любовались звездами.

– Ничего, всё переживем, старушка – говорил он ей, похлопывая по лохматой голове.

К концу лета он опять стал со всеми здороваться. Но теперь, он выходил из калитки с Агнессой Павловной, садился на стульчик под куст сирени и ждал, когда кто-нибудь пройдет мимо, что бы сказать: «Здравствуйте».

И в один день, мимо его дома шел старичок с корзиной полной белых грибов. Геракл заприметил его и сразу оживился.

– Здравствуйте! – сказал он старичку в зеленой брезентовой куртке.

– Здравствуйте! Как поживаете? – ответил с доброй улыбкой старичок.

Геракл растерялся, немного покраснел, но собравшись ответил:

– Ничего, живем. Это вы где столько насобирали?

– Да вон там в лесу на опушке! Урожайный год нынче, – ответил старичок.

– Думаете стоит сходить? – спросил Геракл.

– Непременно стоит! Заодно свою красавицу выгуляете, – он показал на Агнессу Павловну, сидевшую рядом с Гераклом. – какая красавица у вас. Я Арсений Иванович, – сказал старичок протягивая руку.

– Митя, очень приятно, – ответил Геракл, который не слышал своё имя вслух много лет.

– А по бабушке? – улыбнулся старичок.

– Дмитрий. Дмитрий Федорович – сказал Геракл.

– Будем знакомы, Дмитрий Федорович! Я у вас тут рядышком поселился. – сказал старичок, раскладывая маленький стульчик.

Он поставил его рядом со стульчиком Геракла и присел.

– Ну рассказывайте, что у вас тут в поселении интересного.

Так и просидели они до самого вечера, а потом наступила осень.

В теплые деньки, они ходили за грибами, собирали яблоки. Зимой ходили в лес на лыжах, пили чай из самовара с шишками, гуляли по зимнему полю. Старичок забрал себе рыжего кота, который часто сидел возле его дома. А весной, кто-то из местных жителей видел, как Дмитрий Федорович с Арсением Ивановичем нарвали большой букет сирени и отнесли к растаявшим холмикам в лесу.

Звезда

Наших видно сразу. В любой стране, на любом побережье. Делятся они на два типа. Если женщине до сорока лет, она худая как селедка, какая-то вся измученная, но зато с приклеенными ресницами и в золоте, и с конской гривой. На ней виснет её не замолкающий ребенок весь извазюканный непонятно в чем, а рядом идет круглый красный муж, с «золотыми часами» и в пластмассовых тапках с рынка. Муж над ней покровительствует. Он кладет свою лапину ей на талию, чтобы другие мужики знали, что это его баба, и пусть только сунутся он огреет их по самое не балуй, а потом может даже с ними помирится и напьется водки.

И второй тип, это женщина после сорока. Дети выросли, на шее не висят. Она плюнула на вечные диеты и округлилась под стать мужу если не хлеще, отрубила себе конскую гриву под горшок и теперь сама себе хозяйка. Золото свое сняла чтобы в море не утопить, только сережки с огранённым рубином оставила, для статустности. Мужа она лупит пляжной сумкой, чтобы рот на молодых баб не разевал. Муж то весь поиссох, она его обуздала наконец, теперь она кладет на него свою лапину, чтобы не дай бог не подумал её послушаться.

Иностранцы это давно заприметили и завидев «наших» из далека, орут: «Привет!», «Эй, Наташа», «Будь здоров!». А наши удивляются: «Как это они поняли, что мы русские?». А если русские не похожи ни на первый, ни на второй тип иностранцы с сомнением начинают своё: «Доич? Доич? Франсе? Мадам?». Да потому что эти Доич счастливые, они ходят, никуда не спешат, всем улыбаются, всем «хеллоу». Русского такого редко встретишь. У русского сразу на лице написано: «Я заплатил! Это не то, это не так, это дорого, этот козел», сдвинутые брови, походка барина.

И вот как-то на средиземном побережье, среди разложенных на солнце людей, можно было заметить пару. Они появились в начале пляжа и шли по берегу так, что волна слегка омывала их ноги. Высокий загорелый мужчина с

голым атлетическим торсом, с длинными выжженными солнцем кудрявыми волосами, в очках «а-ля американский коп» вел под руку необъятную женщину. Она ступала своей слоновьей ногой и все тело её содрогалось. На ней была красная шляпа и то же красное длинное прозрачное платье, из-под которого можно было разглядеть купальник в черно-белый горох. Она опиралась на руку своего суженого, так тяжело ей было идти, а он аккуратно поддерживал её при каждом слоновьем шаге. И было в них что-то величественное, что половина пляжа сразу приподнялась на локтях и устремила на них свой взор.

Русская половина. Иностранная как лежала, так и лежала себе. Послышались обрывки разговоров в полный голос, они даже не удосужились отвести свой взор и начали кидаться выражениями. «Глянь какая корова, как он её бедный тащит, из-за денег точно!». «Куда она выперлась в таком наряде, ей бы только ночью выходить». «Да что она о себе возомнила, бедный мужик». «Ой, господи, вы только посмотрите!». «Слон и моська!». «Как бы она его не сожрала!».

Пара не слышала гогот, да если и слышала, то не понимала русскую речь. Они дошли до середины пляжа, мужчина расстелил красивое расписное покрывало, покидал камушки на края и начал аккуратно раздевать свою даму. Он развязал пояс красного платья, и оно спорхнуло вниз на песок, оголив величественные телеса. «Ву-а-ля» – сказал он радостно, целуя свою суженную в пухлую щеку. Потом он аккуратно помог ей сесть, что-то сказал на ушко и удалился в сторону кафешек. Она ловко перевернулась на живот и извлекла книгу из пляжной сумки.

Тут взгляды русских разделились, кто-то чуть не свернул шею, чтобы проследить путь мужчины, в основном это были молодые дамочки, рядом с которыми располагались их красные мужья. Кто-то пытался подобрать челюсть смотря на женщину, нежившеюся в лучах солнца и не обращающую на них никакого внимания.

Мужчина купил два коктейля украшенных всевозможными фруктами и трубочками и шел через людей к своей даме. Тут русские женщины хором хмыкнули и посмотрели на своих обпившихся пивом мужчин с какой-то не прикрытой злобой, продолжая сопровождать взглядом красавца.

Он сел рядом со своей возлюбленной и с особой нежностью сказал: «Ханни». Женщина отложила книгу, перевернулась, села и он протянул ей коктейль. Он приобнял её и так они и сидели, потягивая через трубочку коктейли, смотря куда-то вдаль на горизонт.

Русские не отставали от них весь день. И когда мужчина натирал свою даму солнцезащитным кремом. И когда он помогал зайти ей в море. И когда они о чем-то весело разговаривали, русские напрягали свои уши чтобы хоть что-то понять, но не могли. А когда мужчина ближе к закату принес пластиковые коробочки с мидиями и креветками с дольками лимонов и бутылочку вина, то русские взглядом присоединились к их трапезе.

Потом, пара неспешно собралась, и они ушли. Обгоревшие от солнца и любопытства русские чуток посидели, поняли, что кина не будет, и тоже начали собираться.

Солнце долго краснело на горизонте, как будто тоже хотело продолжения, а потом вроде бы обиделось и окунулось в море. Пляж опустел. В прибрежных кафешках начали зажигаться лампочки, повеяло жареной рыбой, послышалась живая музыка. В барах выставлялись столики и стульчики, выходили энергичные зазывалы. Всё ожидало возвращение туристов.

Потихоньку улицы начали наполняться помывшимся и нарядившимися людьми. Они вальяжно прохаживались мимо ресторанчиков, разглядывали выставленные меню ища чего подешевле. Крутили стойки с открытками в сувенирных лавочках, покупали детям какую-нибудь ерунду чтобы отстали. Находили, где закусить и выпить всё-таки можно, и рассаживались за столики.

Тут появились и Они. У мужчины были зачесаны волосы в пучок на затылке, на нем была белая льняная рубашка и светлые брюки. Он так же, как

и днем вел под руку свою даму, на которой было длинное сверкающее серебряными пайетками платье. Она как гигантский диско-шар ступала по улице, блистая и ослепляя всех своим видом.

И если бы была другая эпоха, то Рембрандт бы упал к её ногам, молясь и упрашивая попозировать. То Микеланджело бы целовал ей руки в слезах. То все мужчины пошли бы воевать за нее. То рухнула бы Римская империя, то исчезли бы с лица земли все стихи и песни о других женщинах, то не Венера бы была высечена из камня.

Но она шла вдоль кафешек, опираясь на своего Аполлона, а на нее смотрели жующие люди с какой-то претензией и возмущением. И лишь одна женщина, которой на вид было далеко за пятьдесят, прикончившая уже бутылку портвейна, повернулась на пару и сказала: «Во звезда! Во баба молодец!».

Переулоч

Если высунуться с окна второго этажа на улицу, можно было оглядеть весь переулоч. Увидеть куст цветущей и пахнущей Спиреи. С именем греческой богини она растет у забора Клавдии Васильевны. Выбежать с растрепанными волосами, в ночной рубашке, босиком и смотреть на переливающимися на солнце бронзовок, летающих над великолепным кустом. Ловить и отпускать. Бояться сквозь забор, за кустами, увидеть Клавдию Васильевну, пропалывающую грядки, тогда надо будет говорить: «Здрaсти» и слушать: «Ой, какaя уже большaя».

Клавдия Васильевна была противоположностью прекрасной Спиреи. Она от горбатости выглядела круглой, морщины рассекали ее недоброе лицо, а из-под поношенного платка торчали седые патлы. К ней никогда никто не приезжал, и детей у нее не было, зато были прекрасные яблони и две кривые курицы, и старый желтый домик с тремя окнами и резными наличниками.

Все дети из переулочa её боялись. Бывает, сидишь напротив её дома, делаешь ручейки палкой, а она шторку отодвинет и смотрит пристально, и не уходит. У нее вдоль участка проходила канава, в которой водились лягушата и водомерки, и, естественно, все дети сидели вдоль этой канавы. Бывает, сидишь так, а она сквозь щелку забора: «Пошли вон отсюда! Орут на всю округу». А иногда из окна можно было увидеть, как Клавдия брала авоську с яблоками и шла в соседский дом к тётe Алле. У Тёти Аллы был внук Денис, с которым я дружила, поэтому и Тетю Аллу знала хорошо и не понимала, зачем злая Клавдия Васильевна к ней ходит.

У Тети Аллы была вставная челюсть, которая при смехе то отваливалась, то вставала на место, на десну, но это не мешало ей смеяться над всем подряд. «Видели, какaя у Гены рожа красная», — и смеется. А мы-то видели, но не смеялись. Смех ее от курения превратился в почти беззвучное шуршание. Если Тетя Алла не смеялась, то варила суп. Вроде больше она ничего и не делала. А как сварит, выйдет в переулоч и закричит: «Денис! Иди обедать!» А

если Денис не слышал, что зовут, она его наказывала, и ему не разрешалось выходить на следующий день. Все дети это знали и следили за тем, чтобы не пропустить три часа дня. Супы у нее были роскошные. Она варила и солянку с черными блестящими маслинами и долькой лимона, и красный томатный харчо с острым перцем и развалистым рисом, и рыбный с горбушей и сайрой. Так что не будь Денис дураком, на обед бы не опаздывал.

При Тете Алле был её муж Дядя Саша. Он был маленького росточка и на фоне своей жены выглядел еще меньше. Казалось, что у них большая разница в возрасте. И как так получилось, что они вместе? Наверное, из-за супов. У него были яркие голубые глаза, поддернутые морщинками доброты по бокам. Все дети его любили. Он никого не наказывал, а давал нам сушеную воблу. Среди детей дядесашена вобла считалась высшим деликатесом и ни в какое сравнение не шла с тетеаленными супами. Он постоянно что-то пилил, а если не пилил, то ездил в магазин на мопеде по поручению Тети Аллы, за хлебом к обеду.

Помимо Дяди Саши у Тети Аллы был брат Дядя Лёня. Их участок был разделен аж на три части, и вот на одной из этих частей и жил дядя Лёня с женой и двумя сыновьями. Дядя Лёня владел гаражом, соседствующим с участком Клавдии Васильевны. В этом гараже ошивались его сыновья, которые с пеленок чинили всё, у чего были колеса. А сам дядя Лёня дружил с дядей Геней, у которого, по словам тёти Аллы, была красная рожа. Дядя Лёня, кстати, был единственным человеком, который с кем-то дружил на нашей улице. Бывает ложишься спать и слышишь, как он открывает ключом калитку. Высовываешься из окна и видишь, как он с авоськой из-под яблок Клавдии Васильевны несет два пузыря и банку огурцов на соседний участок к дяде Гене. А один раз дядя Лёня пилил что-то с дядей Сашей, и диск болгарки не выдержал и отлетел ему в глаз, после этого дядю Лёню уж совсем стало редко видно, только иногда было слышно, как он вечером открывает калитку.

У дяди Лёни была старшая сестра тётя Инна — ей принадлежал третий кусок их участка. Тётя Инна должна бы называться бабой Инной, но никто не

осмеливался так сказать, и, несмотря на её возраст, мы называли её тетей. Тётя Инна держала коз и каждое утро ходила пасти их на поле. Туда мы не ходили, потому что боялись коз, но больше тётю Инну. Бывает, идешь по полю из магазина с мороженым, а она тебе из-за высокой травы:

– Ну и почему не здороваемся?

– Ой, извините.

– Иди, я на тебя посмотрю.

Подходишь к ней, она сидит на маленьком раскладном стульчике. Берет тебя за руку и долго смотрит тебе в глаза, а когда отпускает, ты быстрее говоришь: «я пошел, меня мама ждет», а она: «иди уж, раз ждет». Никто из нас не понимал, зачем ей на нас смотреть, но боялись мы ее почти так же, как и Клавдию Васильевну. В заборе у тётю Инны была дырка, за которой стоял стол с козьим молоком. Весь переулочок покупал это вонючее сладкое козье молоко, потому что оно якобы было полезным. За молоком отправляли детей. Надо было засунуть в дырку руку, поставить пустую банку, взять полную и положить туда сто рублей. И все дети боялись, что, когда будешь класть сто рублей, тётю Инна тебя за эту руку схватит, а кто-то рассказывал, что и правда хватала! Меня тётю Инна за руку не хватала, зато однажды меня забодала её коза, и вдоль всего живота у меня была глубокая царапина. Но за молоком меня всё равно заставляли ходить, а иногда и за молоком для тётю Нади.

У тётю Нади не было детей, точнее, был сын, но взрослый, ему молоко уже было не нужно, поэтому меня очень возмущал тот факт, что я должна приносить ей молоко. Она жила на нашей стороне улицы в соседнем доме. Высокая и овальная, она очень редко выходила с участка, но любила сидеть на крыльце своего старого дома и курить. У нее были коробки с пуговицами и старые открытки, и елочные игрушки из Польши, поэтому у нее было хорошо, а главное интересно.

– Тетянадя! А это откуда?

– Ой, милоч. Это мой прадед из Германии мне привез.

Сидишь и держишь в руках ватного человечка с пуговицами из бисера, а он уже не просто игрушка, а реликвия из прошлого, он машина времени и сокровище.

Тетя Надя была доброй, она разрешала копаться в её сокровищах и любила варить на обед макароны с маслом и сыром.

У тети Нади была собака Жужа, шиповник, сын, пионы, смешное отчество, ландыши и картошка, которую папа посадил. Ей посадил, а нам не посадил. Получил по лысине.

Тетенадин сын – Вадик, был красивым двадцатисемилетним юношей, который дудел на саксофоне и водил к себе на участок дамочек, пока тетя Надя спала. В народе взрослые называли его – гандон.

– Надькин гандон сегодня дудел?

– Не дудел, его в ментовку забрали на 15 суток.

– А Абрикосовна-то знает?

– Знает, сидит на крыльце курит.

Детям отчество тети Нади очень нравилось, да и сын её нравился, он был как мы, только большой. Он как-то ехал пьяный на мопеде и въехал в забор заброшенного дома на углу переулка, образовав там проход. И мы повадились через этот проход лазать на заброшенный участок.

Мы собирались днем и шли в конец переулка. Пока кто-то стоял на шухере, мы пролазили порционно в дырку забора. А когда вдруг звучал крик «Шухер!», мы начинали делать вид, что ковыряемся в земле или скидываемся на «цу и фа», и вообще мы тут случайно остановились и никакую дырку никогда и не видели. Оказавшись на участке, никто уже ничего не опасался — вряд ли взрослые полезут через эту дырку, им такое уже не интересно.

Участок был прекрасный и загадочный. Среди высоченной травы росла садовая гвоздика и розы и стояла скамеечка со столиком, за которым, наверно, кто-то когда-то пил чай и ел разноцветные пирожные. Там был трехколесный детский велосипед, от которого веяло какой-то страшной тайной, ведь ни один ребенок в своем уме не бросил бы его на произвол судьбы.

Мы обычно садились на скамеечку и размышляли, что же стало с хозяевами дома. А однажды кто-то забежал на крыльцо и, набравшись храбрости, дернул за ручку, и дверь со скрипом открылась. Испугавшись, мы выбежали как ошпаренные с участка и не возвращались туда неделю. Но как-то детский интерес победил, и, сидя около канавы Клавдии Васильевны, мы решили, что должны вернуться и даже зайти в сам дом.

Было решено взять необходимые предметы для защиты от призраков и гигантских крыс, и бог знает чего. Мы собрали: три головки чеснока, бутылку воды, скотч, два пластмассовых пистолета и фонарик. При такой амуниции с нами ничего не могло случиться, и поэтому мы пошли покорять дом призраков.

По отработанному плану мы залезли на участок и долго не решались зайти в дом. Но потом кто-то осмелился. По одному мы начали заходить на терраску, потому что уж лучше всем умереть в доме, чем умереть одному от страха.

Внутри дом оказался не страшным, а интересным. В нем была мебель и картины, и занавески на окнах. Складывалось ощущение, что мы у кого-то в гостях, а не в заброшенном доме. Мы исследовали все две комнаты и кухню, и терраску, и совсем перестали бояться.

Поковырявшись по ящикам, мы не нашли ничего интересного кроме какой-то старой пленки и фотоаппарата «Зенит». Зато с этого момента дом стал не заброшенным, а нашим!

Мы проводили в доме на углу все дни напролет. Изображали, что мы, как бы, тут и живем. Играли в прятки, вызывали пиковую даму и матного гномика. Хранили в шкафчиках на кухне свечи, конфеты и колоду карт. Если кого-то родители выгонят из дома, он сможет тут ночевать и есть конфеты. Нам нравился наш дом, мы даже скосили траву старой косой, найденной на участке, оголив прекрасные цветы, сидели на скамеечке, изображая, что пьем чай.

Пока однажды не услышали крики Тети Аллы.

– Денис! Денис! Пора обедать! Денис, где ты? Засранец!

Было три часа дня, заигравшись в дурака, мы совсем забыли следить за временем и пропустили время обеда Дениса. С ужасом высунулись из двери старого дома и увидели Тетиаллену голову, торчащую из дыры забора.

– Ах, вы засранцы! Кто вам сюда разрешил ходить?

– ТетеАлла, извините, мы просто подумали, что тут мы не будем никому мешать!

– А ну быстро все вышли и пошли вон отсюда! И чтоб я вас больше тут не видела!

– Извините! Мы больше не будем.

– Денис! Ты наказан! Будешь сидеть дома четыре дня!

Опустив головы, мы вышли из нашего дома и по одному вылезли через дырку забора, пока над нами стояла грозная тетя Алла, уперев руки в бока. Когда из дырки вылез Денис, она стукнула его висевшим у нее на плече полотенцем по затылку.

– Иди быстро есть! – схватила она за руку Дениса и поволокла на другой конец улицы.

– А вы! Чтобы и духа вашего здесь больше не было! – крикнула она нам, грозно махая полотенцем.

Расстроившись, мы потоптались возле забора и тоже разошлись по домам обедать.

Больше на участок заброшенного дома мы не лазили. Мы начали снова ходить к тете Наде и ковыряться в ее сокровищах, сидеть возле канавы Клавдии Васильевны и подглядывать за сыновьями дяди Лёни.

Прошло два дня. Как вдруг, их калитка заскрипела, мы услышали звук поворачивающегося ключа и увидели выходящих Дениса с дядей Сашей.

– Эй! Ребетня! – крикнул нам дядя Саша.

Удивляясь, что тетя Алла выпустила Дениса раньше срока, мы подошли к ним. Дядя Саша достал из холщового мешка четыре сушеные воблы и вручил нам.

– Держите! – заулыбался он.

– Спасибо, Дядяша! – обрадовались мы.

Дядя Саша ушел. Денис стоял, опустив голову, в руке он держал большой черный пакет и цветочную лопатку.

– Пошли, – грустно сказал Денис и пошел в сторону заброшенного участка.

Мы последовали за ним. Дойдя до запретного нам плода, Денис без всяких процедур, залез через дырку внутрь. Мы остановились.

– Да залезайте вы! – крикнул он.

Мы залезли. Денис обошел старый велосипед и направился к кустам роз. Он сел на корточки и аккуратно начал копать вокруг одной из них.

– Денис, что случилось? – спросила я.

Оказалось, что, когда тетя Алла тащила его через весь переулок, Денис, пытаясь избежать наказания, рассказал ей, что на заброшенном участке растут розы. Тетя Алла два дня держалась и изображала грозную бабушку, а на третий день сдалась и сказала, что если Денис ей будет приносить цветы с заброшенного участка, то она сделает вид, что никогда нас там не видела и ничего не знает. Денис согласился на сделку и приступил к выполнению бабушкиных условий. Он выкопал розу, бережно положил ее в пакетик и пошел к дырке.

– Идите в дом, я отнесу цветы и вернусь! – крикнул Денис и исчез за забором.

Мы снова повадились каждый день сидеть в доме. Только уже не было ощущения, тайны, не было желания складывать конфеты в ящик на кухне и сидеть на скамеечке. Денис каждый день выкапывал по розе и относил бабушке. Когда розы кончились, он начал выкапывать гвоздики, а когда кончились и гвоздики, мы совсем потеряли желание сидеть в заброшенном доме. Участок опустел, трава снова выросла. А потом кто-то заделал дырку в заборе.

Умерла Клавдия Васильевна. Вот ходила, кормила кур, ругалась, яблоки носила, а потом бац и умерла. И никто к ней не приехал, и никто не видел, как

ее уносили. И не было еловых веток на дороге, и никто не завесил ей окна в доме.

Сыновья дяди Лени почти сразу же поставили к её забору старый дырявый драндулет, тем самым отрезав от нашей канавы поток воды, и спустя время она пересохла. Стало страшно высовываться со второго этажа и смотреть на незанавешенные окна желтого домика. Казалось, что Она еще там, просто не выходит, просто кур продала и яблоки перестала собирать. Но непременно высунется в окошко и будет смотреть.

А потом её участок кто-то купил, спилил куст Спиреи и поставил трехметровый страшный зеленый забор, и от желтого домика с резными окнами стало видно только крышу. Мы всё думали, что вот-вот и домика Клавдии Васильевны не станет, поставят там особняк, и никто уже и не вспомнит старую ведьму. Но, видимо, кончились деньги и не хватило на особняк, и до сих пор стоит там этот желтый дом, а вот канавы, кур, куста и детей у страшного забора больше нет.

Зимой, в сильный мороз, в доме Клавдии Васильевны треснуло окно на втором этаже и разбилось, и штора, висевшая на нем, развевалась на холодном ветру. В ту ночь умерла Тетя Алла. Кто-то ходил на ее похороны, кто-то раскидал на белой дороге еловые ветки. Денис не ходил и потом не приехал на летние каникулы. Всю зиму было не видно Дядю Сашу. Но весной он появился. Достал свой мопед и так же ездил за хлебом. Он сильно постарел и почти не разговаривал, и совсем перестал сушить воблу. А еще через год куда-то делся мопед и Дядя Саша изредка стал появляться в переулке. А если вдруг он выходил, то очень медленно, весь перекосясь. Он шел куда-то бесцельно и так же медленно возвращался. И взрослые пытались ему хоть чем-то помочь, увидев его на дороге. Он от всего отказывался и ничего уже не хотел. Когда он стал похож на обтянутые кожей кости и уже ничего не отвечал, Денис приехал на лето.

Денису тогда было пятнадцать лет, он сильно повзрослел. Да и остальные дети уже стали подростками и перестали приезжать на дачу. Одна

я, как самая маленькая, еще хотела играть в переулке, но было уже не с кем. Денис выходил в переулок и свистел, я высовывалась со второго этажа и, если было не поздно, выходила в переулок.

Мы стояли возле пересохшей канавы и говорили о чем-то недолго, иногда ездили купаться, иногда сидели на лавке возле их дома. А потом умер дядя Саша. Денис свистнул, я вышла, мы поговорили. Он сел в машину и больше никогда не приезжал. Зато осталась привычка — если я слышала свист, то всегда высовывалась на улицу, и до сих пор высовываюсь, но как вы поняли, еще не разу свист не принадлежал Денису.

Дядя Лёня перестал позванивать бутылками в ночи. Он вообще исчез. Если бы не пронзительные крики его жены: «Ох, Лёеёёёня, Лёеёёня!» с их участка, можно было бы подумать, что он тоже умер.

Дядя Гена стал каким-то не красным после того, как стало совсем не видно дядю Лёню. Он иногда стоял возле его забора непонятно зачем и, казалось, скучал по другу, но в калитку не стучал.

Тетя Инна продала почти всех коз кроме одной и стала не такой уж и страшной. Она ходила на поле с маленькой, очень сильно скрипящей тележкой, вцепившись в нее тощими жилистыми руками. Молоко она больше не продавала, коза ей нужна была так, чтобы дома не сидеть. Этот скрип каждый день можно было услышать в десять утра и в шесть вечера, он-то и остался от неё, как единственный звук, но еще не последний.

Молока не было, стало нечего относить тёте Наде, поэтому и предлога не было, чтобы ковыряться в её сокровищах. Она сильно состарилась и сильно то ли разозлилась, то ли обиделась на наш переулок. Она всё так же сидела на своём крыльце и курила. Я как-то зашла к ней с корзиной яблок, которую велела передать мама.

– Надежда Абрикосовна! Откройте, я яблоки принесла! – крикнула я возле ее забора. – Надежда Абрикосовна!

Она долго не открывала, но потом послышались ее шаркающие шаги и звук ключа в калитке.

–Чего тебе? Буркнула она, смотря на меня из-за своих черепаховых очков.

— Вот! Яблоки! Возьмите!

– Не надо мне ничего, уходи!

– Ну, Надежда Абрикосовна, вы, наверное, просто абрикосы больше любите? Решила я немного посмешить её, чтобы она не была такой грозной.

– Да не Абрикосовна я, а Абриковна, давай сюда свои яблоки и уходи! – буркнула она, выхватила у меня корзину и захлопнула дверь калитки.

А я всё стояла возле закрытой двери и слышала удаляющиеся шаги, своего детства. Абриковна, никакой романтики, никаких ассоциаций с солнечным фруктом, всё кончилось, исчезло. Прощайте, Надежда Абриковна, прощайте сокровища. Прощай, Вадик со своей дудой, прощай крылечко и макароны.

А дальше уже ничего и не было. Высунешь нос в окно, а там никого нет, только страшный зеленый забор да разбитое окно желтого домика, пересохшая канава и грязь на дороге. Дети исчезли совсем, может их и не было? Да и взрослых-то не осталось. Хотя нет, остались – я, мой папа, дядя Гена, тетя Надя и её сын. Ну и остался неведомый мерзкий петух, который постоянно орёт, чего орёт? Сам, наверное, не знает.

Бывает, идешь по переулку, и никто с тобой не здоровается, может, не узнают? Тетенадин сын так свое отдудел, что стал пономарём. Теперь не дудит, а звенит на всю округу, с петухом соревнуется. Саму тетю Надю не видно, она никуда не выходит, только слышно, как она кашляет со своего участка. А дядя Гена купил себе зеленый фургон, на котором ездит в магазин за бутылкой. Ну а я смотрю на домик Клавдии Васильевны и думаю, может, посадить куст Спиреи?

Одна Дача

Когда идешь со станции, в сторону дачи, то между стареньких деревянных домов, можно увидеть трехметровый забор, за которым виднеются три огромных кирпичных дома. Из них торчат каминные трубы, а на одном из домов, на крыше установлен флигель с петухом. Вокруг забора вырыта канава, насажены кусты шиповника, молодые деревья ив, а над калиткой и воротами понатыканы камеры.

Когда я была маленькая, мы часто с мамой ходили мимо этого замка и каждый раз, я останавливалась и разглядывала эту величественную постройку. Мама мне рассказала, что это дача не абы кого, а самого Якубовича. Моё детское любопытство брало вверх, и я все время пыталась разглядеть, что же там за шторами и не смотрит ли в оконце, сам Леонид Аркадьевич.

Один из домов я нарекла музеем «Поле чудес». Представляла, как грузовики подъезжают к воротам, и грузчики множество-множество всего тащат в дом. Банки с маринованными огурцами, коробки с национальными костюмами разных областей, ведут козу за веревку, катят головки сыра, везут тачки пирогов и хлебов, звенят хрустальными вазами, постукивают банками компотов, поскуливает подаренный щенок овчарки.

И потом Якубович ходит по своему музею и потирая пузо, радуется подаркам. Примеряет дурацкие шапочки, играет с деревянным самолетиком, показывает козе два пальца и радостно ей говорит: «Забодаю-забодаю». Конечно же, катается на трехколесном велосипеде, играет сам с собой в шахматы, дудит на разных дудочках, ну и крутит свой барабан, готовясь к новой передаче.

Второй дом я нарекла домом прислуги. Это ж надо музей поддерживать в хорошем состоянии, протирать экспонаты тряпочкой, выкидывать просроченные продукты, кормить животных, да и самого Леонида Аркадьевича. Там живут всегда улыбающиеся худенькие девушки, прислуживающие и следящие за питанием и здоровьем Якубовича. А то вдруг,

он что старое сожрет. Кто потом людей в пятницу вечером будет радовать? Кто послушает стишок ребенка? Кто закричит: «Две шкатулки в студию!». Не может быть никаких сомнений в том, что это дом прислуги.

Ну и третий дом, это дом самого Леонида Аркадьевича. Он там тихонечко сидит у окошка, смотрит на приезжающие грузовики, шаркает мохнатыми тапочками по полу, поливает герань, спит в кровати с балдахином, смотрит телевизор.

Я взрослела, и дача Якубовича становилась чем-то обыденным. Ну дача и дача, ну большая. Она стала ориентиром, для гостей идущих со станции к нам. «От станции по дороге вправо, проходишь дачу Якубовича, проходишь школу, налево, через поле, направо». Сначала все гости удивлялись: «Ого, самого Якубовича?». А потом привыкли: «Я дачу Якубовича прошел, забыл куда, направо или налево?». Для всех знакомых и друзей, дача Леонида Аркадьевича уже не была ничем волшебным, никто уже не пытался его подкараулить, никто не заглядывал в окна. Да и я уже не заглядывала. Ну живет себе дед и живет, герань вон на окне у него че-то засохла, совсем обленился.

Шли годы. Выкупили старенькие дома вокруг дачи Якубовича. Настроили такие же большие особняки, и три дома совсем затерялись среди них. Дача выглядела какой-то старой: кирпич покрылся зеленым мхом, флигель не крутился – заржавел, шиповник перестали подрезать. И только изредка в одном окошке горел свет.

А потом уже, через очень много лет, я поняла, что никакая это не дача Якубовича. Просто из-за того, что этот дом был такой здоровенный, по сравнению с другими домишками, его прозвали так в шутку. И все это подхватили, и так, и прижилось. И зря я всем рассказывала про дачу Якубовича – это не его дача. Это не он погубил герань на окне.

Лото

Иногда, резко выключали свет. Вот вроде бы кипела жизнь, орал телевизор, бурлил электрический чайник, на плите что-то жарилось-варилось, люди какими-то делами занимались. А потом бац и тьма. И взгляд устремляется на покрытое узорами окно, вдруг у кого свет горит, но за узорами не видно. Приложишь ладошку, за окном вьюга воет и трясет деревянную раму, а потом отпускаешь ладонь и сквозь отпечаток смотришь на улицу и глаз привыкает к темноте, а там только свет от луны, падающий на покрытые снежными шапками деревья.

Достаётся керосиновая лампа, ищется керосин, ищутся свечки. Собираются на кухне все домочадцы. Постепенно кухня наполняется желтыми огоньками свечей, отбрасывающих причудливые тени на стены. Сидишь, пламя завораживает, окунаешь палец в воск, чтобы потом аккуратно его снять как шапочку. И главное, чтобы одиночество не подкралось, как подкрадется так не отпустит, так и будешь сидеть в тишине и каждый у себя в голове понесется по ручьям и рекам памяти.

Но обязательно зазвонит телефон. Зазвонит, затрещит, позовёт. Мама зашаркает, снимет зеленую трубку.

–Да, да. У нас тоже! ... Как на всю ночь? ... Ну ставлю чайник.

Подойдет к шкафчику, отыщет чайник, перельёт в него еще теплую воду из электрического. Поставит на плиту и когда тот запищит, значит время идти соседям дверь открывать.

Накидываешь куртку, засовываешься в валенки, распахиваешь входную дверь на мороз, лицо покалывает идущий снег. Бежишь до калитки, поворачиваешь ключ. «Здрасти». «Здрасти».

Вбегаешь в дом, ждешь, когда соседи разденутся, стряхнут с шапок снег. Подоткнут обувь под батарею. И бежишь обратно за стол.

Они конечно же что-нибудь принесли, что готовилось, пироги или жареную курицу. А потом телефон еще звонит, и кто-то еще придёт. И еще звонит и еще. И вот уже и стол накрыт, и дом полон людей.

Все кое-как усядутся за стол, принеся стулья и табуретки со всего дома. По кружкам разольется горячий чай и начнется оживленная беседа. Но это не главное. Главное, что, когда всё съестся и все проклянут дерево, упавшее на провода, достанется из тумбочки лото.

Оно хранится в древнучей коробочке на которой красные завитушки со всех сторон обхватывают надпись «Лото». Снимается крышка, а под ней тряпичный мешочек приятно зазвучит лежащими в нем бочонками. Достанутся карточки и раздадутся по одной каждому сидящему за столом. Имеется и мешочек с копейками, на которые уже ничего не купишь, да и дают их на сдачу как бы отомстить. Вот и собираются они в мешочек для ставок и азарта игры. Каждому выдастся по 20 копеек. И высыплется по горке неприятных на ощупь картонных кружков, чтобы закрывать выпавшие числа.

А потом начнется игра. По кругу каждый будет доставать по бочонку и говорить написанное число и все сидящие будут искать его в своей карточке и если найдут с удовольствием класть на него кружок, а если нет, то делать вид, что всё же повезет. И особое удовольствие будет для тех, кто достанет бочонок с той цифрой которую можно как-нибудь обозвать. Тогда продемонстрировав номер бочонка, человек радостно скажет: «Барабанные палочки!».

Названий бочонков довольно много, есть и «дюжина», и «утята», и «стульчики», и даже «бычий глаз». Не говоря уже о «бабушке», «дедушке» и «дедушкином соседе». Все почему-то очень любят, когда попадается именно такой бочонок.

Кто-то повысит ставки на две копейки, кто-то воздержится. И все всё время будут спрашивать: «Ну сколько там еще? Много?». А потом кто-нибудь победит – закроет всё цифры, сгребет все копейки себе и довольно хмыкнет.

Нет, так не положено, так не честно и не справедливо. Бочонки соберутся обратно в мешочек, выигранные копейки придется отдать. И кто-то непременно скажет: «Еще разок!».

И, конечно, все согласятся. Потрясут мешок, дадут новые карточки. Наша песня хороша, начинай сначала. Сольется набравшийся воск, мужчины выйдут на крыльцо перекурить, женщины нарежут какой-то колбаски да сыра, найдется какая-нибудь настойка из погреба и на второй круг, потом на третий.

И кто-то вспомнит, что-нибудь из детства: как в деревнях по неделе света не было, как уроки приходилось делать при свечке, как в школу надо было идти через три поля, да по замерзшей речке, как кто-то видел домового, а кто-то лешего, а кто-то ничего не видел и не верит и пить с вами не будет. И дети наострят уши, и притаятся, пока про них не вспомнили, и будут бояться смотреть на печку, а вдруг там этот самый домовый.

Пройдет и третий круг игры и четвертый. И вдруг одна женщина, поддумавшись и захмелев, прислонит голову на руку и затынет: «Вот кто-то с горочки спустился...». И отзовется многоголосием: «Наверно, милый мой идет...». Дети закатят глаза, поморщатся и убегут от стола. Мужчины выйдут на перекур. И прольется женская песня своей силой, своей таинственностью и красотой.

А потом бац и зажжется свет, и заорет телевизор, и зашипит чайник. Женщины замолчат, встрепаются, посмотрят друг на друга. Лото быстро сгребется в коробку, посуда отправится в раковину. Мужчины из коридора позовут жен и детей, все быстро обуются и уйдут. И не было ничего – ни свечек, ни игры, ни песен, ни историй. Всё исчезло. Только след от ладошки на окне, который уже затянуло узорами и через него ничего не видно.

Всем начальникам начальник

Степан Анатольевич Пахнуцев когда-то был большим начальником. Проводил электричество туда-сюда, и в Останкинскую телебашню, и в думу, и в ГУМ, и в ЦУМ. Будучи человеком упертым и неприятным, он не захотел ни с кем ничем делиться, и на старости лет отобрали у него фирму и сказали отчаливать восвояси. Он немного попыжился, нажабился, позлился, но ничего у него не получилось. Тогда он топнул ногой, почесал голову и, сдав свою квартиру в Москве, уехал жить в Подмосковье.

Приехав за город, он обнаружил, что дом-то весь перекосялся, крыша продырявилась, да и туалет на улице не сильно устраивал большого начальника. Благо у него оставались какие-то сбережения от фирмы, и он решил этот дом перестраивать, нанял рабочих, а сам поселился на летней кухне.

Проснется с утра, потянется и бежит быстрее командовать. В электричестве Степан Анатольевич может быть и понимал абсолютно всё, но вот в строительстве не очень. Но это не мешало ему давать дельные советы. С важным горделивым видом ходил он вокруг дома и то и дело давал указания.

– Сначала надо кирпичи все положить как лежать будут, а потом их цементом смазывать! – кричал он, уперев руки в бока. – Зачем вы мне тут бревна кладете, я же вам сказал где!

Степан Анатольевич был человеком громким и грузным. Фигура его состояла из круглого пивного живота, по бокам которого висели тоненькие ручки, а такие же тоненькие ножки пытались всё это удерживать. На широкой красной роже его были глубокие морщины, особенно на лбу – от злости. Кривой длинный нос, на который были нацеплены тонкие металлические очки, совался во все дела без разбора. На голове остатки черных волос были плотно приглажены расчёской. И хоть и казался он с первого взгляда человеком никогда не улыбающимся, смеялся он часто, над своими же

собственными шутками или над дураками-рабочими, которые не понимают его мудрых советов.

Рабочие посмеивались над своим «прорабом», но Степан Анатольевич не воспринимал это и продолжал отдавать указы. Своими руками он не делал ничего, только заваривал себе кофе и кидал бычки от сигарет по участку, которые потом заставлял собирать рабочих.

За два года дом перестроили. Степан Анатольевич рассчитался с рабочими, еще раз обругав за то, что было, по его мнению, сделано плохо, и заселился в новый дом. И стало скучно ему, начальническая жила не давала ему спокойно жить. Всё хотелось что-то делать, кем-то командовать, но было не кем.

У него была дочь, но она вышла замуж и уехала жить за границу. И хоть он ей звонил и приглашал приехать посмотреть на его новое жилище, она отнекивалась. С женой Степан Анатольевич развелся двадцать лет назад и считал её самой настоящей коброй, поэтому ей он не звонил. Зато звонил своим друзьям по бывшей работе, просил дать ему хоть какой-нибудь маленький проект, но все ему отказывали.

Тогда он вроде бы свыкся со своим нынешним положением и занялся садоводством. За зиму прочитал несколько книг про садовые деревья и кустарники и вдохновился прививками. Погрузился в мечты вырастить груши на рябине.

Весной он нанял рабочих для облагораживания своего участка и принялся за любимое дело. Правда, командовать пришлось ему недолго — рабочие за неделю справились и, получив деньги, оставили своего нелюбимого начальника в одиночестве.

Каждое утро Степан Анатольевич обходил свои владения и радовался каждому новому листику на своих деревьях. Проводил рукой по кустам смородины, любовался новыми побегами крыжовника и кизила, думал посадить клубнику, но всё не решался.

Лето было в самом разгаре и, когда трава стала Степану Анатольевичу по пояс, он решил, что пора бы нанять садовника. Тогда он дал объявление в газету, что требуется работник с проживанием на летней кухне.

Работник быстро отыскался. Им оказался студент из Краснодарского края, который не захотел уезжать на лето домой. И теперь проживал у друзей, которые ему всячески намекали, что он им в обузу.

Степан Анатольевич поселил его на летней кухне и рассказал его обязанности. Студент решил, что вполне сможет и работать по участку, и ездить в Москву к друзьям. Но не тут-то было, начальник давал ему все новые и новые порученья. То ему требовалось, чтобы студент помыл окна в доме, то, сходил за свежим молоком, то сложил инструменты в чулан, то вытащил их из чулана и сложил в углу участка. И так всё лето. В конце августа студент сообщил хозяину о своем возвращении в общежитие. Степан Анатольевич расстроился и предложил удвоить оплату, но студент отказался. Тогда Степан Анатольевич предложил ему приехать на следующее лето, студент покивал головой и исчез. Конечно же, на следующее лето он не приехал.

Долгую зиму большой начальник провел за чтением книг и мечтами об урожае. А вот в конце апреля выполз, чтобы впервые жизни самому вскопать грядки. Грядки не получались, и он то и дело садился на лавочку, ворчал и курил. Топнув ногой, он бросил эту затею и ушел в дом. Снова дал объявление в газету, но никто не откликнулся. Степана Анатольевича совсем не радовала перспектива самому ухаживать за садом, и от того он, кажется, еще сильнее сгорбился и облысел.

В июне трава выросла по пояс, и Степан Анатольевич притаптывал её, потому что взяться за косу боялся, мало ли по ногам себе заденет. Злился, что кустов смородины стало совсем не видно, да и, честно говоря, боялся, что на него запрыгнет клещ.

Теперь он наблюдал за садом, сидя на балконе и попивая кофе. Балкон располагался так, что заодно ему было видно и улицу, и оттого его времяпрепровождение стало чуточку интереснее. Он знал во сколько соседка

гуляет с собакой, во сколько на велосипеде проезжает почтальон, когда сосед начинает ковыряться в гараже и когда молочник ведет коров на выгул. Вечером смотрел, как солнце заходит за деревья, и отправлялся спать, чтобы утром снова начать свой дозор.

Соседи посмеивались над большим начальником, видя сквозь забор, как зарастает его участок.

- Всё сидишь, Анатолич? – спрашивала, смеясь соседка.
- Читаю, – с важным видом отвечал Степан Анатольевич.
- Ну, читай-читай.

И вот однажды дозор был нарушен, когда начальник заваривал себе кофе на кухне, чтобы испить его на балконе. Он услышал звук молотка, стучащего по его забору.

– Это у нас что такое? – приглаживая волосы, злился Степан Анатольевич.

Он выбежал во двор и, аккуратно пробираясь через траву, добрался до калитки. За ней оказались двое мальчишек лет тринадцати, прибывающих к его забору какую-то бумажку. Один был повыше, со светлыми курчавыми волосами и вздернутым носом. Другой пониже, весь рыжий с веснушками и ободранными коленками.

– Это что за хулиганство, я спрашиваю? – уперев руки в боки, повышенным голосом сказал Степан Анатольевич.

– Объявление, – хором ответили мальчишки.

– Это какое-такое объявление? – подходя к бумажке и поправляя очки, недоумевал начальник.

– Вот, – мальчик протянул Степану Анатольевичу бумажку.

Начальник взял листок и, отодвинув его на расстояние вытянутой руки, прочитал: «Сделаем любую работу. Покос травы. Покраска забора. ЛЮ-БУ-Ю! БЕЗ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК. РУССКИЕ. Работники: Витя 13 лет. Петя 14 лет».

– Так-так, – хмурился Степан Анатольевич. – Так-так. А сколько Вите и Пете платить надо?

Мальчишки посмотрели друг на друга, пошептались и тот, что был постарше — курчавый сказал:

– Сто рублей!

– Сто рублей? – поднял брови Степан Анатольевич. – В час?

– Нет, за день! За день! – ответил Петя.

– Ну за день еще можно, – скрывая радость, сказал начальник. – Значит жду завтра в десять утра.

– Вы что, нас нанимаете? – недоверчиво спросил рыжий.

– Это мы еще посмотрим! – сказал, открывая калитку, Степан Анатольевич.

Весь день большой начальник был взбудоражен, он всё представлял как будет ходить по участку и давать указания. Садился, чтобы почитать, но тут же вскакивал и погружался в свои мысли.

На следующий день он уже в девять утра вышел на балкон. Налил себе кофе и делал вид, что читает газету, на самом же деле он смотрел на улицу и всё ждал, когда явятся мальчишки. И без десяти минут десять за забором показались белая и рыжая макушки.

– Не стучите! Вижу-Вижу, – вскочил Степан Анатольевич.

Мальчишки посмотрели вверх и, увидев своего нового начальника на балконе, похихикали между собой.

Степан Анатольевич открыл калитку, и не успели мальчишки зайти, как он тут же дал указания косить траву. Показал в какой стороне участка стоит коса и попросил принести ему раскладной стульчик. Мальчишки принесли ему стульчик и принялись за работу. Начальник вальяжно сел и закурил, причмокивая от удовольствия.

– Тут спокойно косите, – выпуская дым, командовал начальник, – вон до сосны дойдёте, там мы с вами потрудимся, смородина там. А там малина, – показал он рукой к забору.

Пока Петя косил, Витя сгребал траву в кучку и складывал в садовую тачку.

– Вези вон туда к забору, – указывал Степан Анатольевич.

Постепенно участок переставал быть похожим на заброшенный, а начальник всё передвигал и передвигал свой стульчик, чтобы не упускать из вида работников. К часу дня мальчишки сообщили, что им пора на обед. Степан Анатольевич почесал голову и отпустил их, сказав, что ждет их через час. С удовольствием обошел покошенный кусок участка и сам отправился обедать.

На обед большой начальник всегда ел одно и то же. Он брал остатки ужина, например, жареную картошку и кусок свинины, всё это мелко резал и заливал яйцом, называя блюдо «мечта холостяка». Отобедав, он снова вышел на балкон и ждал мальчишек. Мальчишки вскоре показались за забором, он спустился и открыл им дверь, вальяжно садясь на свой стульчик.

– Трудитесь дальше, шпана, – хитро улыбаясь, сказал Степан Анатольевич.

Мальчишки снова приступили к покосу, а когда добрались до кустов смородины, Степан Анатольевич грозно стоял над ними и командовал, чтобы они не скопили чего лишнего. К концу дня вся трава была покошена и сложена в один большой стог у забора. Степан Анатольевич прошелся по участку и осмотрел все свои растения.

– Так-так. Так-так. Завтра придете белить яблони и груши, – сказал он мальчишкам.

– В десять? – спросил Витя.

Он обгорел. Его красный нос сильно жгло, и он прикладывал к нему зеленую от травы ладонь.

– В десять, в десять, – улыбаясь краем рта, ответил Степан Анатольевич.

На следующий день мальчишки белили деревья и возили покошенную траву к лесу. А Степан Анатольевич стоял над ними и всё время что-то советовал.

– Кисть вози сверху вниз, а не наоборот, – говорил он измазанному в краске Пете. – Клади в тачку больше травы, что ты её полупустую везешь.

Мальчишки слушались и делали всё так, как говорил начальник. Степан Анатольевич радовался их послушанию. Он то подбегал, чтобы дать очередной совет, то садился на стульчик и курил, то высовывал нос из калитки, чтобы посмотреть, как Витя везет тачку. В конце дня он велел приходить завтра, чтобы копать грядки.

Каждый день Степан Анатольевич придумывал мальчишкам новое дело, и каждый день они приходили к нему, чтобы получить свои заветные сто рублей. После грядок начальник приказал сажать укроп и петрушку. После петрушки приказал мыть окна. После окон снова косить траву и поливать зелень. Много-много разных дел придумывал начальник. А пока мальчишки их выполняли, он спрашивал их вопросы по истории, чтобы показать свою всезнательность.

– Ну скажи мне, Петя. В каком году отменили крепостное право? – спрашивал Степан Анатольевич, сидя на своем стульчике, и смотря, как Петя пропалывает грядки.

Мальчик отрывался от работы, смотрел куда-то в небо, пытаясь вспомнить. Но вспомнить не мог.

– Степан Анатольевич, да не отменили же! – кричал весь Красный Витя с крыши. Он убирал прошлогоднюю листву из стыков.

Мальчишки засмеялись. Степан Анатольевич сначала сдвинул брови, а потом засмеялся и сам, неестественно громко.

– Ну-ну, шпана! – отвечал начальник.

Иногда Степан Анатольевич выносил мальчишкам своё коронное блюдо, чтобы они не уходили на обед.

– Смотри-смотри! Несет! – кричал Витя Пете.

– Свою «Мечту холостяка», – передразнивая голос Степана Анатольевича и ставя руки в бока, кривлялся Витя.

Увидев коронное блюдо начальника впервые, мальчишки с недоверием смотрели на него. Но потом распробовали и частенько обедали со Степаном Анатольевичем на веранде. Правда, потом он заставлял их мыть посуду, а заодно и плиту, а заодно и пол. Но в доме было прохладно, и от этого они в тайне даже мечтали, чтобы именно сегодня начальник соизволил с ними пообедать.

К концу июля поспела смородина и крыжовник, мальчишкам было наказано всё это дело собирать. Лето стояло жарким и работникам уж очень не хотелось весь день проводить на солнце.

– Степан Анатольевич, может пообедаем? – жалостливо просил Петя.

– Еще чего! Работай, салага! – Сидя в тени деревьев, отвечал начальник.

За несколько дней мальчишки управились с ягодами. Но тогда им было велено собирать малину. Малина больно колола пальцы. На ней постоянно попадался вонючий клоп, а под ней еще и муравейник был. Муравьи больно кусали мальчишек за ноги, и они то и дело вскрикивали «Ай, ой» и терли укушенное место.

За малиной последовал кизил. Больше ягод на участке не было, и мальчишки быстрее пытались отделаться от этой кропотливой работы. Витя с Петей всё думали, зачем начальнику столько ягод, неужели он сам будет их сушить или варить из них компоты. Представляли, как скрюченный Степан Анатольевич пытается сделать варенье, и сахар рассыпается по всему полу, и кастрюля с кипятком падает на пол, а начальник от неожиданности еще и все ягоды растаптывает. Смеялись и передразнивали его: «Вот это я, конечно, шпана!»

Ягоды были собраны, все дела по участку переделаны, и Степан Анатольевич уже с трудом мог придумать, чем бы занять мальчишек. Тогда он решил, что Витя с Петей будут приходить только вечером и поливать участок, а раз в неделю будут приходить косить траву. Предложил он им за это пятьдесят рублей в неделю.

– В неделю? – расстроились мальчишки.

– В неделю. Вам лодырям больше не положено, – ухмыльнулся начальник.

Ребята подумали. Выхода не было, и они согласились. У них появилось больше свободного времени, и они начали ходить купаться на речку, кататься на велосипедах, играть в бадминтон. А каждый вечер ходили к Степану Анатольевичу поливать участок.

Он всё так же задавал им свои вопросы по истории, и мальчишки уже живо на них отвечали. Иногда рассказывал что-то о своей жизни. Но как-то трудно было представить, что Степан Анатольевич чем-то мог заниматься помимо сидения на своем участке.

– Да врете вы всё! – смеялся Петя.

– Ага-ага! Не были вы в телевизионной башне! – поддакивал Витя.

– Ну-ну. Ну-ну, – загадочно улыбался Степан Анатольевич.

По воскресеньям ходили косить траву и обедали с начальником. Он прислонял голову к руке и, выпуская струйку дыма, слушал, о чем мальчишки болтают между собой и посмеивался.

– Я тоже раньше на речку ходил, – начинал Степан Анатольевич. – Там в июне люпинов целое море. А с утра рыба так и прыгает над гладью воды.

– Да как же? Это что вы, рыбачили? – не верили мальчишки.

– Ну-ну. Ну-ну, – забываясь, говорил Степан Анатольевич.

В августе Степан Анатольевич вызвал мальчишек на два дня собирать яблоки. И спокойно ему было на душе, когда эти сорванцы весело смеялись и бегали туда-сюда по его участку.

– Степан Анатольевич, а мы через две недели уезжаем! – сидя на яблоне, крикнул Петя.

– Ну пора бы вам учиться, лодырям, – отвечал начальник. – А то не знаете, кто такой Ванька Жуков.

– Шпана! – передразнивал Витя.

Степан Анатольевич хмыкнул и вдруг очень живо представил, как он весь год будет совсем один. Как не с кем ему будет пообедать, некому

рассказать про октябрьскую революцию. Как занесет его балкон снегом, и не сможет он на нем сидеть.

Мальчишки собрали яблоки в две большие корзины и отнесли в дом.

– Ну всё! Мы пошли.

Последние две недели Степан Анатольевич был задумчивый и неразговорчивый. Когда Витя и Петя приходили поливать, он сидел на своём стульчике и ничего не спрашивал, и не указывал, как правильно держать шланг.

– Степан Анатольевич, а расскажите про Николая Второго! – просил Витя.

– В школе расскажут.

– Степан Анатольевич, а под яблоней поливать? – спрашивал Петя.

– Да чего уж поливать, сентябрь на носу, – отмахивался начальник.

– Степан Анатольевич, а вы будете сегодня «мечту холостяка» делать?

– Я уже обедал.

Непривычно было видеть мальчишкам своего начальника таким угрюмым. Им совсем не хотелось его передразнивать, и они всё пытались его разговорить, но он не поддавался.

Две недели пролетели быстро, и мальчишки пришли покосить и убрать траву перед своим отъездом. Степан Анатольевич открыл им калитку и, махнув рукой, ушел в дом.

– Это что это, он к нам не выйдет? – удивленно спросил Витя Петю.

– Да это он понимает, что командовать ему больше не кем, – отвечал Петя.

– Ну, может постучим ему в окно?

– Ну, постучи.

Витя подбежал к окну и начал в него стучать. Степан Анатольевич не отзывался. Тогда он оббежал дом и собирался постучать в другое окно, как увидел за шторой Степана Анатольевича. Он ходил по комнате и бормотал себе что-то под нос. Витя приложил ладони к стеклу и услышал обрывок

фразы: «Совсем один. Всю зиму один...» Степан Анатольевич вдруг повернулся к окну и увидел мальчика.

– Это что такое! – потряс он кулаком, подходя к окну. – Ты что за мной шпионишь, оболтус? – крикнул Степан Анатольевич.

– Я... Я хотел вас позвать посидеть с нами, – тихо ответил Витя.

– Сами справитесь. – ответил начальник и закрыл шторы.

Витя вернулся к Пете, который уже во всю орудовал косой. Он рассказал ему про то, что увидел и показал, как Степан Анатольевич погрозил ему кулаком.

– Совсем с ума сошел, – не отрываясь от работы, сказал Петя.

– А мне его жалко! – топнул ногой Витя и пошел за садовой тачкой.

Мальчишки закончили работу и хором позвали Степана Анатольевича. Он вышел, обошел участок, посмотрел каждый угол и, вернувшись к мальчишкам, сказал.

– Вот и всё! – он протянул Пете пятьдесят рублей. – Давайте, шпана.

– До свидания, Степан Анатольевич.

Мальчишки ушли. Степан Анатольевич поднялся на свой балкон и долго сидел на нем, смотря на макушки сосен на горизонте.

На следующий день он заварил себе кофе и вышел оглядеть свой участок. Посмотрел на одиноко стоящий стульчик, на смотанный шланг, на садовые инструменты, стоящие у забора. Как вдруг в калитку постучали. Степан Анатольевич от испуга пролил кофе.

– Степан Анатольевич! Открывайте! – Послышалось из-за калитки.

Степан Анатольевич поставил кружку на ступеньку веранды и направился к калитке.

– Оболтусы, вы зачем меня пугаете? – скрывая радость, крикнул начальник.

Он открыл калитку и за ней стояли Витя и Петя, улыбаясь и пряча что-то за спинами.

– Это вам! – они расступились.

За ними стояла коробка, в которой сидел коричневый щенок лабрадора. Петя подошел к нему и, взяв его на руки, протянул Степану Анатольевичу.

– Щ...щ.. щенок! – изумленно протянул начальник.

– Они хорошо обучаются командам. Могут тапочки даже принести и почти не лают, – сказал Витя.

Степан Анатольевич так и не взял собаку, и Петя посадил его на землю. Щенок потряс своими висячими ушами и, зевнув, подошел к Степану Анатольевичу.

– Да вы погладьте его! – сказал Петя.

Степан Анатольевич сел на корточки и похлопал щенка по голове.

– Мы его на все заработанные деньги купили! Теперь вам будет, кем зимой командовать, – продолжал Петя. – Откладывали на коньки... Обратного его не отвезти!

– Он совсем умный. Вот смотрите, — сказал Витя. – Сидеть!

Щенок послушно сел, и Степан Анатольевич всё еще изумленный улыбнулся краем рта.

– Ну заходите, – сказал он.

Мальчишки зашли с щенком на участок, и он начал весело бегать по скошенной траве.

– Степан Анатольевич, у нас электричка через сорок минут, нам надо успеть! – сказал Витя.

– Угу, – глядя на щенка, сказал начальник. – Подождите.

Он быстрым шагом пошел к дому и скрылся из виду.

– Да ничего. Привыкнет, — сказал Витя Пете.

Степан Анатольевич показался на крыльце, в руке у него была большая сумка. Он молча подошел к мальчишкам, не отрывая взгляд от резвящегося щенка, и протянул её Вите.

– Это вам на зиму, – сказал он.

Витя взял сумку и, пожав плечами, посмотрел на Степана Анатольевича.

– Ладно, идите. Идите, – он проводил мальчишек до калитки.

Мальчишки вышли и остались стоять у забора, чтобы подслушать, что будет делать их начальник.

Степан Анатольевич подошел к щенку и сказал: «Сидеть». Щенок послушно сел, смотря на нового хозяина.

– Иди вон попей, – показал он щенку на ведро с водой. – Не хочешь, значит? Ну, пойдем в дом, и он пошел к двери. – Иди-иди.

Мальчишки посмеялись за забором и отправились собираться.

– Вить, а что он нам хоть дал? – спросил Петя.

Витя открыл сумку. Там лежали банки с компотом и вареньем и пучки сухого укропа и петрушки.

– Не поверишь! – улыбнулся Витя. – Сварил.